

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПЕРВЫХ МИРОВ

Р.А.Р.

НА ГРАНИЦЕ ЭПОХ

А.А.ЛАГУТИН

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Лагутин

**Последний из Первых
Миров – На Границе Эпох**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лагутин А. А.

Последний из Первых Миров – На Границе Эпох /
А. А. Лагутин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07084-4

Трое братьев, некогда наследников великого рода Кацер, в ходе случайной "работенки" становятся двигателем ужасных событий и участниками "трагедии первых миров" – истории о трагичной гибели их мира, придуманной самим создателем миров, Лордом Винторисом. Прежняя жизнь и память о ней отступают, когда перед их глазами несокрушимой скалой встает правда, в первую очередь о них самих и о том, что мир скрывает в глубинах своей истории и сколь темную ее часть братья вернули в мир. Выбор сторон, одинаково верный для каждого, остается за ними, и о нем, их судьбе и истории предстоит узнать и вам. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07084-4

© Лагутин А. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Вступление	5
Глава 1. Кацера	6
Глава 2. Храм Актониса	30
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Лагутин

Последний из Первых

Миров – На Границе Эпох

Вступление

В бесформенном мире, еще во времена, что не застало ничто из ныне сущего, на все протяжении его пустот, появилось одно единственное, высшее существо – великой силы творец, из числа Высших Лордов, созданный править миром существ, что он же сам и создаст. Долго он, Лорд Винторис, бродил по пустотам, взывая к своим создателям, умоляя их указать ему путь. Дабы успокоить волнение, развеять грусть и одиночество, он творил миры, счастливые и добрые, но так и не добился внимания своих создателей. Забываясь от злости, он пустил все новые свои миры под линию, что теперь незаметно их разделяет, меняя их, карая проклятиями, сулящими каждому новому миру все более жуткую гибель. Лишь взглянув на мир глазами одного его персонажа, он замечает, как миры его продолжают жизнь без его вмешательства, сами уничтожая себя, и возрождаясь. Ужас охватывает Лорда, и он решает остановить столь жуткий механизм саморазрушения, но не как Высший Лорд, а как его создание, подогнать мир к иному финалу. Последней границей его миров перед небытием становится мир R.U.N., или Рузан Усепи Нирунбюр – Последний из Первых Миров. Не раз все обдумав, он решает, что не достоин более владеть подобной силой, с ее помощью творя лишь трагедию. Спаситель миров, что раз за разом очищал миры от проклятий, больше не сумеет им противостоять, и не очистит мир, а лишь погубит его. Лорд Винторис ищет нового, следующего Высшего Лорда, которому он будет готов раскрыть плачевную историю его миров. В отличии от его создателей, что до сих пор, казалось, были глухи к мольбам несчастного Лорда, он поведает ему все.

Меня Эпохи нового мира, его существа отживают данные ему создателем 500 лет, лишь недавно закончив 400-летнюю войну. Величайшие существа мира, Клинки Власти и Археи, то есть первые существа рас, готовятся к последней войне, что увидит сей мир. На склоне вдруг порушившейся горы на том самом месте, где совсем скоро начнется последний акт его действия, за алым рассветом наблюдает Негласный Правитель, обращая свой взор на улочки близлежащего города. Совсем скоро по ним пройдут они – исполнители плана Клинка Власти Дорана, и в мир вновь вернуться его самые страшные кошмары, уже столетия погребенные в анналах истории, и сам Негласный Правитель приложит к этому руку. История трагедии, что едва не свершилась над Последним из Первых Миров, вот-вот достигнет своей кульминации...

Глава 1. Кацера

Говорят, у человека всегда есть какие-то фобии, и некоторые выявлены больше, некоторые меньше, но есть обязательно. Однако, есть и фобии, все более проявляющиеся с ходом жизни, которые становятся настоящим кошмаром, невыносимой отравой всей будущей жизни. Фобия темноты, фобия высоты, и многие им подобные. Некоторые из них будто заложены в нас с рождения, а некоторые мы приобретаем сами, встречая моменты ужаса, связанные с ними, и я уже и не знаю, может ли человек иметь врожденную фобию собственных снов, но я боялся их. Я никогда не боялся засыпать, и всегда делал это довольно просто, но каждый день засыпал с мыслью, что увижу что-то новое, и не похожее на предыдущее. Что-то такое, чего я всегда боюсь, хоть и...будто подсознательно.

Но в тот день все было иначе. Я уже никогда не вспомню, что я видел в том сне, но я навсегда запомню, что слышал. Те слова, пробивавшиеся будто через слепую пелену, из прошлого, которое наверняка принадлежит не мне.

– Спешу сразу развеять некоторые иллюзии. Этих новых сил не хватит, чтобы спасти этот мир так, как ты себе это представляешь. – раздавался во тьме сна низкий хриплый голос, будто эхом раздававшийся по всей черепной коробке.

– Плевал я на эту силу. Спасибо, конечно, что вытащил меня, но мне нужно вернуться обратно. Пока еще не поздно. – звучал, с тем же эхом, будто мой собственный голос.

– Ты меня не слушал.

– Я еще могу все исправить.

– Я ведь уже сказал. Тебе не спасти этот мир, но есть и другие миры.

– Не знаю, кто ты такой, старик, но на твоём месте я бы занимался этим сам. У меня есть дела и поважнее, в этом мире. Возможно, Тиадрам еще сражается, и я успею ему помочь. Если мы победим...

– Если бы все было так просто, не вы бы одни бились с Лордом Винторисом.

– Не пудри мне мозги. Я знаю, что мы делаем, и знаю, как мы можем получить его силу Высшего Лорда. Если она будет у нас...

– Не для того я вытащил тебя из лап смерти. У этого мира уже есть свой спаситель. Конечно, я хочу, чтобы ты сам решил, что тебе сделать. Но не здесь. Ты пойдешь со мной. Сейчас.

– Тьс. Конечно. Я не просил этой силы, и ничего тебе не должен.

– Это нормально. Ты же не знаешь, чего именно я хочу.

– А я уже сказал – мне ПЛЕВАТЬ.

– Я могу показать тебе, что ты должен сделать, чтобы те, кто тебе дорог, выжили.

– Сам что-нибудь придумаю.

– Спасти, пока они еще живы. Ты ведь не умеешь оживлять умерших?

– А ты?

– Я спрашиваю о тебе.

– А я о тебе.

– Ох, а разве ты, минут 5 назад, не умер?

– Раз так, будь добр, верни и моих братьев к жизни.

– У меня есть идея и получше.

– Ну-ка?

– ...Ты узнаешь об этом, если пойдешь со мной.

– Перебьешься.

– ...Тем более, ты все равно должен быть уже мертв. Тебе бы стоило меня послушать... хотя бы из чувства благодарности.

– Это вряд ли. Нет смысла в моей жизни, если и со мной этому миру суждено умереть.

– Разве?

Резкая боль в груди, сопровождающаяся нечеловеческими криками и хрустами, как и всегда. Но на этот раз... такие реальные. Ощущение, будто кто-то острыми когтями пытается вырвать из меня память о том, что я видел и слышал, и боль эта, на этот раз, даже вывела меня из сна, будто что-то во сне и вправду меня коснулось... Память о услышанном, также сразу, меня покинула, пусть и оставалась в голове теперь туманным воспоминанием, будто кошмар вновь отступил, и мозг уже понимал, что реальность ина, и никакого чужого голоса тогда я слышать не мог.

Тем не менее, более чем реальная боль не только вывела меня из сна, но и заставила меня подскочить на кровати. Одеяло слетело, а сам я быстро схватился за покрытую холодным потом грудь. Пусть боль уже по пробуждению и пропала, ее отголоски само тело и мозг еще помнили, но даже кинув беглый взгляд на свое окружение, все еще содрогаясь от жара во всем теле, я сразу не обнаружил в комнате ничего нового. Она была все такой же темной, холодной и влажной. Именно такой, какой мы ее знали. Именно такой, пропахшей сыростью и грязью, с тяжело проталкиваемым по легким воздухом, ничего лишнего, и никого лишнего, без того, кто мог бы нанести мне удар, пока я спал. В комнате было, как и раньше, лишь два человека.

На самом деле, понять, что находившееся в комнате, помимо меня, существо – человек, было весьма проблематично. Его храп был, в тот момент, более схож с таковым хорошо отодравшегося льва или тигра, хотя я, на самом деле, никогда сам их не видел. Также, от этого и немного вибрировали стены, и существо это, буквально, «поражало» их своим рыком. Даже с такими звериными чертами, оно, все же, было человеком, моим старшим братом Френтосом. Я знал это, хоть видно его было плохо. Это было как раз потому, что в комнате почти не было освещения. Был в нашей части дома и третий человек, но он лежал в другой комнате, и никаких звуков он не издавал. Тем более, я не мог его видеть, хотя и вряд ли он тогда тоже спал, как и вряд ли он вообще когда-нибудь спал после истории с Цезом.

Я, как можно аккуратнее, попытался встать с кровати. Почти не скрипя ее металлическими пружинами, я грузно перевалился на бок, к ее краю. Тихо сухо покашляв в ладонь, я только вытянул ногу в сторону пола, как уже стал представлять, как ее задубевшая от дождевой воды поверхность морозит мне ступни. Тем не менее, это было уже достаточно привычное мне чувство, и бояться простуды с подобного мне, со всеми моими способностями в лечении подобных, не стоило. Увы, тихо дотянуть ногу до пола так, как я себе это представлял, у меня и не получилось. После сна мое тело частично парализовало, как и всегда, когда во сне происходит что-то плохое, и последствия этого самого сна не позволили мне встать с кровати, а потащили меня на пол. Одеяло, которое я недавно подкинул после пробуждения, каким-то образом, легло на подсвечник. Это была уже цепная реакция – сначала упал я, потом подсвечник, а потом уже, от созданного шума, реакция дошла и до Френтоса. Создаваемый даже им шум, на мгновение, был теперь значительно пересилен.

"Кровать-чудовище" Френтоса, переместившись от одного угла изгиба себя самой в другой, резко закричала и пошатнулась, а сам Френтос подскочил на месте, будучи мгновенно встреченным потолком. Кажется, столкновение лишь на секунду успокоило его, еще ничего не понявшего от пробуждения. Уже через эту самую секунду он завыл волком, схватил свою «великую» подушку, крепко уткнул свое лицо в нее, и начал утреннюю разминку для языка и горла. От ругани Френтоса мгновенно пострадало почти все его окружение, а получившие свою дозу обычных в лексиконе Френтоса слов, тараканы, сидевшие за шкафом, затем в ужасе сбежали в дыры под стенами. Ругань Френтоса о том, как он сладко спал, и как его бесит потолок, не знала границ. Ну, разве что, кроме одной из дверей в нашей комнате, за которой лежала

его красноволосая погибель. Звали эту погибель Тарготом, и, пока сквернословящая подушка, уже совсем скрывшая лицо брата, не добралась до него, нужно было её успокоить.

– Мне тоже несладко пришлось, кстати. Но я, ведь, не ору? – решил совершить хоть какую-то попытку успокоения чудовища я.

Подушка, поначалу, замолчала, а затем, сопровождаясь скрипом кровати-монстра, повернулась ко мне. Я даже вздрогнул – ох уж эти "атрибуты" Френтоса. Долго молчать они с подушкой, конечно, не собиралась, и теперь уже долю ругани получил и я. От слов в мой адрес хотелось мне тогда ударить явно не чистую, да и заколдованную нечистыми силами подушку, но, вспомнив, как Френтос покупал её втридорога на рынке, пускай она и качества была никакого, мне снова стало ее жалко, и я решил просто повторить попытку с успокоением.

– Меня тут чуть не убили, а ты еще и орешь как debil... – продолжал потирать лицо я.

Очередная секунда молчания дала мне возможность как раз представить себе впечатления Френтоса от услышанного. Пусть и вряд ли я сумел удивить его, я вполне мог хотя бы успокоить его. Скорее всего, выражение его лица было бы просто слишком сложно описать, хотя его цвет теперь я угадал сразу.

– Да вот и лечь поспать на минутку нельзя, тебя уже убивают! – прокричал Френтос, отбрасывая на край кровати от головы чудо-подушку.

Лицо же его, как оказалось, и было всего лишь ужасно покрасневшим от столкновения с потолком. Хотя и, возможно, от злости. Ударился он неслабо, хотя и виноват в этом был, на самом деле, он сам. Как и всегда, лишь едва освещаемый играющим по комнате от пыли золотистым блеском, солнечный свет заставлял его щурить глаза, что он сам делать очень не любил, больше желая вечно буйно их на все выпучивать. Теперь лицо его закрывали и такие-же буйные, тонкими прядями, черные сальные волосы, прилипшие к грязным скулам.

Я, поначалу, думал сказать Френтосу, что нападение это очень вряд ли происходило наяву, но...

Дверь, ведущая в другую комнату справа от меня резко распахнулась от тяжелого удара не менее тяжелой ноги, а из нее вылетел уже вооруженный своим любимым мечом Тоги Таргот. Самый старший из нас троих брат, и, при этом, самый ответственный, или, говоря проще, самый главный. Да и, наверное, теперь, судя по виду, самый не выпавшийся, пусть, как я и говорил раньше, меня вообще брали сомнения, что он когда-нибудь спал по-настоящему, а не ложился лишний раз подумать о наших общих делах.

Вдруг образовавшаяся немая пауза, в течении минимум секунд десяти, не прервавшаяся даже мощным ударом выбитой Тарготом двери о стену, прервалась лишь падением Френтоса, по его же воле, и его чудо-подушки, на пол. Только после этого Таргот, наконец, пришел в себя.

– Вы чего орете? – спросил он, все так же не опуская Тоги.

– Бей лицо Френтосу, это он виноват. – проговорил я.

– Думаю, он не настолько двинутый, чтобы орать так без причины.

– Ты во мне сомневаешься? – лениво и нехотя потягиваясь, ухмыльнулся Френтос.

– В общем, мне приснился очередной кошмар, и меня от него прямо подкинуло. Упал подсвечник, и поэтому подскочил Френтос. Ударился о потолок, и заорал как ненормальный. Это в двух словах. – быстро и просто описал ситуацию я, дабы дольше не напрягать брата.

Таргот протяжно вздохнул, качая головой, ударил себя по лбу и потер его. Не сильно, и будто убивая назойливую муху, затем так же прогоняя утреннюю зевоту. Не закрывая за собой дверь, он тихо развернулся, и вернулся в свою комнату.

– В общем, пора уже просыпаться. Я договорился тут с одним провожатым, и мы его сегодня должны встретить. Так что сегодня можете обойтись и без утренней разминки, которую вы там раз в сто лет делаете. – добавил он, медленно, уже на ходу, убирая Тоги обратно в ножны, вообще застывшие на его голой огромной и сильной спине.

Мы с Френтосом, однако, побыстрее встать и не спешили. Я тихо поднял упавший подсвечник, и также тихо, уже вставая ногами специально на одеяло, поставил его на место. Ранее я упал прямо в небольшую лужицу перед кроватью, но состояние мое после этого особо не изменилось, ведь я уже и без того был мокрый от пота. Френтос же, с доступным только его окто грохотом положив свою чудо-подушку себе под голову, хоть какую разминку все-таки начал. Пытался сделать то же, что некоторые делают на снегу или песке, и называют ангелочком. Ангелочек Френтоса на одеяле, которое сам Френтос также утащил с собой на пол, становился, с каждой секундой, все более похож на ангелочка-душевнобольного. Потому, как минимум, что пол, на котором лежало одеяло, был слегка кривоват, хотя, вообще, у нас это было вполне нормально. Френтос часто на него падал, и его окто вполне позволяло при этом ему не травмировать себя. Про окружающих ничего сказать, однако, не могу. Падения Френтоса иногда могли вызвать и сердечный приступ у соседей снизу, и хорошо еще, что почти все в нашем доме к этому уже привыкли – и к Френтосу, и к разным приступам. Иногда можно было врать, что у нас лишь завелся полтергейст, ибо пол как раз кривой, а кровать Френтоса, пусть и не на колесиках... Да и хватает лишь того, что это именно его кровать.

Помимо подушки Френтоса, у него было еще множество и других различных не нормальных атрибутов как самого дурного октолима, которого я когда-либо знал. Например, та самая его "кровать-монстр". Раньше она была низкой, но с высокими душками, и тогда она была в меру нормальной. Но потом Френтос сделал ее, из ранее безмянной, "кроватью-монстром". Он перевернул ее, поставив ее на высокие душки, поэтому теперь спит прямо под потолком. От его веса она начала ловить каждое его движение, смещаясь в ту же сторону, что и он, а сопровождаются эти движения воистину страшными звуками. Однажды я даже решил смазать её, чтобы она перестала скрипеть, потому, что избавиться от нее Френтоса мне никак не заставить. Но ей это, видимо, не понравилось, и она попыталась меня задавить, соскользнув по неровному полу в мою сторону. Больше я к ней не прикасаюсь, а то вдруг она ещё и заговорит. Обычная, с виду, кровать, да с моторчиком в виде Френтоса.

Свои комнаты мы с братьями обставляли сами, хотя и, когда мы за это только принимались, происходили уже по-настоящему страшные вещи, явно куда более страшные, чем одни только полеты всех возможных предметов обихода по сторонам. Я, как мы еще раньше привыкли делать на пару с сестрой, хотел расставлять предметы идеально ровно, и каждый день следить, чтобы все было на своих местах. Детская у нас троих в детстве была одна, хотя и сестра спала с родителями. Нам троим, и особенно мне, это, если честно, не особо нравилось, но, пожалуй, не буду об этом. И она, и я, ценили порядок. Не так, конечно, как это делал Таргот, но все должно было смотреться идеально. По его же мнению, все предметы должны были стоять так, чтобы их можно было быстро и удобно использовать, а не чтобы они просто красиво стояли, так что не мудрено, что кровать у него всегда выглядела одинаково, не зависимо от того, есть ли он в ней, или нет. Она была застелена даже тогда, когда он в ней спал, и тогда на ней, от Таргота, появлялся лишь некий "бугорок". Ну и, конечно, немного о порядке Френтоса. Вернее, о беспорядке, и, думаю, не стоит объяснять, как это должно выглядеть. Если вернуться к расстановке предметов в нашей с Френтосом комнате, то это была самая настоящая, как мне кажется, гармония – моя чистоплотность, плюс его хаос. Вещи, кроме одежды, раскиданы по всей комнате, а комоды, кроме моего, и было их всего два, находятся каждый раз на новых местах. Даже страшно представить, что заставляет их двигаться ночью. Тот же полтергейст? Моя кровать стоит в центре комнаты, а кровать Френтоса – у стены. Это единственные два места, где можно было бы расположить кровать между лучами солнца, которое светило через стену, прямо между дыр. От лужиц на полу солнечные лучи частенько отражались в стены, и блики их, особенно утром, освещали нам труднодоступные глазу в нашей комнате места. Помимо кроватей, комодов, и шкафа в нашей комнате не было почти ничего. Небольшие половики под кроватями уже давно перестали защищать нас с Френтосом от того, от чего мы их

и постелили. Насквозь промокнув и едва не прогнив, их части уже комьями скатывались под ногами, выпуская из себя почерневшую от грязи воду при каждом малейшем их касании. При некоторых разногласиях, чаще все равно шутливых, Френтос любил раньше хватать с пола эти самые комья, и бросать их в меня. Как раз благодаря этому, именно этими комьями теперь и были украшены наши стены – и без того влажные, осыпающиеся, мутно-серые, словно грязный снег. Из всего выше сказанного – была у нас и вправду отличная комната... чтобы не чувствовать себя в ней как дома, и не хотеть оставаться в ней подольше, с первыми же лучами солнца только и желая ее покинуть.

Свет внутри начал на некоторое время исчезать, а в той самой комнате, откуда через дыры в стенах он и светил, послышались шаги. Таргот снова надел толстые и тяжелые сапоги с металлической оковкой, и был готов вести нас туда, куда отвести он нас хотел уже целую неделю. Туда, куда мы идти боялись лишь ввиду того, что даже и не знали, что это, и где оно находится, и что Таргот вдруг начал говорить об этом загадками. Не то, чтобы он сильно рвался нас туда отвести, но он только всем видом показывал, что дело у него "где-то там" довольно важное. Дело, конечно, для нас всех.

Френтос и я быстро встали, положили одеяла обратно на кровати, уже наплевав, как всегда, на их состояние после пребывания на полу, и отправились к очередному предмету моих, хоть и весьма редких, но довольно пугающих, кошмаров – к "шкафу-монстру". Как и в случае с кроватью и подушкой Френтоса, ничего особо сверхъестественного в нем не было, но, пожалуй, мы сами сделали его таким, чтобы его можно было пугаться. И вернее его было бы назвать уже огромным сейфом, и даже тараканы не могли проникнуть в это цельнолитое сооружение, поскольку единственный "вход" туда был заделан намертво. Френтос, конечно, туда тоже попасть не мог, и на это способен был только я с помощью окто. Именно я его всегда и открывал. Безопасность наших сбережений, по словам Таргота, превыше всего, хотя мне часто и казалось, что все денежное содержимое, которое и должно было находиться в этом сейфе, Таргот просто носит с собой в мешке, который не оставляет его, кажется, даже в душе. Тем более, что мы не принимали его уже минимум пару недель. По крайней мере, все, кроме меня самого. Не до того я еще опустился.

Я подал одежду Френтосу, и начал копаться в поисках своей. В числе тех вещей, которые оказались мной потеряны еще вчера где-то в пределах еще не очень освещенной с утра комнаты, оказались и мои шаровары, полушубок, и пояс. На самом деле, я был лишь рад от них избавиться. Излюбленные Тарготом в моей одежде нищенские рубахи и поддевки, которые я надевал лишь в случае встречи "сопротивления" со стороны деревенских баб, не нравились мне настолько, что их я, в шкаф, специально от него прятал. Я хотел одеваться так, как желал сам, а не как меня просил он. Едва нащупав в горе ненужной одежды свои новые бриджи и сюртук, я немедленно вытянул их, и начал их на себя натягивать. Уже беспорядочно вытаскивая из шкафа все подходящие для образа не столь нищего, а даже уверенного в своих материальных средствах, человека, я уже успел переодеться целиком. Внешне одежда на мне теперь смотрелась довольно опрятно и, на самом деле, дорого, в нашем то городке. Все, конечно, в меру, иначе Таргот бы решил, что я совсем все забыл – в первую очередь я говорю о его нелепом желании выставлять нас всех нищebroдами. Одежду Френтоса, я думаю, особого смысла описывать нет – это был простой, и буйный прикид, ровно подходящий его сумасшедшей внешности – особенно его мускулистому, вечно согнутому в три погибели, смуглому телу. Вдобавок, его одежда была вечно где-нибудь наглядно порвана. Вряд ли это было модно, но Таргот считал эту одежду Френтоса вполне подходящей, да и за модой они с Френтосом, в отличие от меня лет 5 назад, никогда и не следили, правда я и сейчас новой моды не совсем понимаю. Как по мне – в моде всегда были, и будут, тяжелые латные доспехи. Уж они своего хозяина порадуют всегда. Особенно если этот хозяин весит меньше их самих.

Мы с Френтосом оделись, я прицепил к спине ножны со своим полуторным мечом, а в соседней комнате оделся и Таргот. Как всегда, когда он покинул свои «покой», он едва не задевал потолок головой, и то было лишь потому, что в нашем доме потолки были не высокими везде, и кровать Френтоса, учитывая высоту потолков, даже и не казалась уже такой высокой. Да и в дверь он проходил боком, иначе он бы в ней застрял, и, в первую очередь, виной тому была его одежда, его «великий» мешок, и то, что он сам был, на самом деле, весьма немал. Одежда его, как и в любой другой день, куда бы он не собирался идти, была толстой и многослойной, и составляли ее, наиболее бросающиеся в глаза, толстая кожаная куртка, серая толстовка с капюшоном, огромный мешок за спиной, и совсем незаметные ножны с мечом Тоги. Было видно сразу – он готов, готов умыться и причесаться, как минимум, иначе его невыспанность внушала бы окружающим слишком большой страх. Большой, чем надо. Тем более, его все равно заспанное, грустное лицо с закатившимися под веки большими глазами, еще не совсем прошло от сыпи после вчерашнего "купания в песке". В волосах и на голове и на лице песок также еще поблескивал. Не буду говорить, зачем именно он вчера совал голову в песок, но ничего странного в этом, в принципе, не было. С местными жителями частенько можно было спорить на деньги, и мы ни разу не проигрывали в этих спорах. Какими бы лютыми они не были.

– Думаю, уже самое время тебе поведать нам, куда мы, все-таки, сегодня идем. – поинтересовался я у уже подошедшего к скрытой в углу комнаты раковине Таргота.

– Сначала мы идем в Лес Ренбира. – уже начал умываться Таргот, едва проталкивая спросонья руками воду из умывальника, и бросая ее себе на лицо.

– Как же я это не люблю. Опять кого-то убивать придется. – поправил рукава Френтос.

– Сегодня все проще, и, надеюсь, обойдется без чудищ.

– Ну вот и отлично. Тогда, зачем нам туда?

– Сегодня мы... Отправимся в Ренбирскую Пирамиду! – эффектно и артистично махнул еще мокрыми волосами Таргот, каплями воды покрывая мой комод позади него. Странно. А ведь он сегодня, наверняка, еще не пил.

Мы с Френтосом переглянулись.

– Видал его? – ухмыльнулся Френтос.

– Надеюсь, ты не к Информаторам собрался? – сказал я, подходя к раковине.

Таргот начал причесываться страшным кривым гребнем уже чуть отойдя, а Френтосу умываться и причесываться никогда и не хотелось. Он присел, стоя на стене, стараясь там что-то от нее отодрать. Да, именно так. Присел на стене. Для него и его окто ничего удивительного. Таргот и я на это уже даже не обращали внимания. Такие действия Френтоса за границу его обычного поведения не выступали совсем.

– Мы идем к одному моему знакомому. Да, он в Информаторах, но мы идем туда вообще не для того, чтобы к ним присоединиться, если тебя пугает это. – присел, и вытер мокрые руки об одеяло Френтоса, Таргот.

– Вот, по крайней мере, у нас будет возможность узнать, почему их многие так не любят. – спустился обратно на пол Френтос.

– Воочию. – зевнул я. Пусть даже и Френтос, кажется, не совсем понял сказанного мной слова.

Умывшись и причесавшись, я также успел заметить, что зеркало у нас над умывальником, уже, видимо, давно, треснуло. Должно быть, это Френтос постарался, как и он же постарался оставить свой след на всем, что мы чаще всего видели в нашей халупе. В том числе, и на стенах.

Халупа, наверное, была бы самым лучшим словом для описания нашего жилья. Она была трёхэтажной и квадратной, забитой тараканами, тесной, и отмеченной изредка протекающей во время дождя водой, везде, где только можно, а протекала она как раз тогда, когда наши соседи сверху во время дождя не были дома, и не подставляли везде, где капает, тазики и

ведра. Мы уже давно планировали сменить место жительства, однако пока не накопили на ту самую усадьбу, которую хотели. Тараканы, здоровые рыжие и усатые, в наших двух комнатах на втором этаже были совсем спокойны, если не наглы. Они абсолютно не реагировали на нас, потому как со временем либо обленились, либо уже полностью привыкли к нам, тем более, что они нам особо и не мешали, и жили мы с ними в мире и согласии. Наверняка в стенах уже были будто целые фермы по выращиванию этих гадов. Жаль, что расходы на еду, воду, и прочее не позволяли нам в любой момент купить собственное имение, или перестроить старое. Мы должны были сделать это спонтанно, потому как того требовала наша тайна, как она и требовала нашего жилья в подобном нынешней халупе месте.

Также, Френтосу иногда приходилось менять Лемоть – октовое приспособление, улучшающее кровообращение, а также нейтрализующее яды и токсины, опасные даже для октолимов. Френтос был болен болезнью Сколы, и как раз поэтому никогда не снимал Лемоть. Это был браслет на запястье, и без него ему, думаю, пришлось бы туго, ибо Болезнь Сколы – болезнь смертельная, и от нее в день погибают от десяти до ста человек. Частицы одного, довольно редкого, материала, именуемого Сколой, попадали с воздухом, в газообразной форме, в дыхательные пути людей еще с далеких времен Спуска. Со временем, Скола в кровеносных сосудах твердела, образуя стенки и тромбы, и мешая движению крови, и от этого сосуды начинали лопаться. Некоторые куски застывшей Сколы пускались по сосудам вместе с током крови, попадая, затем, в сердце. В результате этого человек и погибал. Считается, что именно Академия Окто первой сумела разобраться в принципе Болезни Сколы, и создала первые образцы Лемоти. Наверное, это пока единственное, за что конкретно мы можем сказать этим "шизикам" спасибо, даже не считая их ведения дел октолимов по всей Ирмии.

Возвращаясь к нашим делам, скажу, что о приближении соседей сверху я уже знал, ибо у меня всегда был прекрасный слух. Хотя, на самом деле, скрип и потрескивание нашей деревянной лестницы не услышать было очень тяжело, даже при желании и с закрытыми ушами, пусть все жители нашего «Дома Чудес» прекрасно знали, что сломаться эта лестница, попросту, не может. Прошлый владелец дома прекрасно к нему относился. Жаль, что его средств не хватило на его улучшение, хотя он и хотел этого. Времени жизни владельцу не хватило также. Новый владелец пришел недавно, и его частенько можно было видеть под вечер с бутылкой на полу в центре дома, у "столба", всего в грязи, как свинья, пока он приходил в себя. Мы ему иногда помогали добраться до его комнаты, волоча его по всем ступенькам ногами как парализованного старика, за что он вечно теперь опускает нам многие конфликты с соседями. Думаю, нам очень повезло, что о состоянии жильцов его владений он, в отличии от прошлого владельца, вообще не думает. Нам это на руку, поскольку жильцы эти нам, чаще всего, вовсе не друзья.

Дверь к основной части дома, уже разваливающаяся на части, была, на самом деле, не в состоянии сдерживать даже гнев того, кто, от слабости, едва не сумел добраться до собственной могилы. Щели в ее досках вечно вызывали сквозняк в наших комнатах, а ее металлическая, насквозь проржавевшая щеколда была даже заляпана грязью так, что совсем не выделялась на фоне самой двери. Грязь на ней была еще тогда, когда мы купили это жилье. С тех пор, на самом деле, очень немного поменялось. Открыли мы ее, сразу пустив вперед Таргота, который быстро приложил волосы, и встал перед нами. Волосы эти сзади были собраны в конский хвост, а остальные буйно свисали на плечи. Огненно-красные волосы – гордость всего нашего рода. Такого же цвета были и все остальные волосы на его лице, и их там тоже было немало. Каким бы характером Таргот не обладал, но с закрытыми глазами, такими же ярко красными, он грозно бы не выглядел точно. Даже нам с Френтосом казалось, что строгость и серьезность, так ему присущие, попросту, не к лицу, и грозным у него был, как раз, лишь взгляд. В остальном, Таргот был больше похож на плюшевого медвежонка. Веселого толстячка, хотя он, в общем, и не был толстым, но и без этого был огромным. Кажется, его тело и выстрел из баллисты

остановил бы вряд ли, и это, кажется, частью его окто не было. Но у нас троих, как и говорил ранее Френтос, «вечно все не как у людей», и объяснить мы этого, пока, не можем. Даже Таргот внешне на человека не был похож вообще одними только размерами.

Спускающихся по лестнице к нам людей пришлось ещё какое-то время подождать, и пусть выглядели они довольно агрессивно, скорости спуска им это не добавляло. Возможно, они боялись происшествий, которые, при быстром спуске, происходят между кривыми четвёртой и девятой ступенькой сверху. Стоит также заметить, что у нашей лестницы всего по девять ступенек, самих лестниц тринадцать, а проблемы из них всех только у этой. Хорошо еще, что соседей снизу сегодня то ли не было, то ли Френтос и вправду слишком тихо, благодаря одеялу, упал. Зато громко ударился о потолок, ибо соседи шли только сверху. Наконец добравшись, резко подскочив к нам, они сразу пустили на нас свой поток возмущений, пусть долго говорить у них и не получилось. Тарготу, чтобы их заткнуть, хватило одного лишь резкого шага им навстречу, будто закрывая собой нас с Френтосом.

– Извиняемся за шум, дорогие соседи. Сегодня моему брату приснился кошмар, из-за чего он вскочил, и ударился об потолок. Уверяю вас, больше такого не повторится. Я лично опущу ему кровать. – нагло врал Таргот с издевательской улыбкой на не менее наглом лице.

Соседи сопротивляться и скандалить не стали, а Таргот слишком прожигал их взглядом. Вообще, мы часто начинали с ними полемики, не зло, а будто тихо издеваясь друг над другом. Сейчас их поведение только показывало, что говорить с нами им, еще с прошлого раза, надоело, и они кричали уже просто как для галочки. Старик, и уже тоже не молодая женщина, только зло переглянулись, покачали головой, и так же не скандаля просто, шаркая обтянутыми кожей лаптями, ушли вверх по лестнице, лишь наверху пустив вдогонку пару лишних слов. Таргот вообще иногда странно себя вел, учитывая нашу тайну. Насколько я ее понимал, он должен был быть грубее. Но, увы, это было не всегда.

Проклятия же со стороны соседей я, затем, используя свой прекрасный слух, еще слышал снова, но проклинали они теперь, похоже, уже себя. Что ж поделать, если они сами, – дважды, – отправили себя по «Волшебной Лестнице». Мы спокойно спустились вниз, и комментировать слова Таргота даже не собирались. Кошмар приснился, конечно, не Френтосу, но такая версия произошедшего была куда более эффективной в общении с ни о чём не подозревающим человеком, и нам оставалось лишь, как всегда после стычек с соседями, гадко похихикать. Тем более, насколько редки такие стычки были.

В доме было, как всегда, темновато, но никто и никогда не брался менять кристаллы Зоота в лампах между лестницами. Сама крутая лестница, меняющая направление только в углах, была, наверное, самой интересной и целой частью всего дома, даже интереснее, чем отделяющая части этой лестницы по центру квадратная колонна. Лестница была как раз тем, без чего это здание и совсем нельзя было бы назвать домом, и только она и соединяла этажи, являясь почти единственным элементом дома, находившимся в его центре. Говорят, в этом доме можно было выходить на крышу по той же лестнице, но мы, почему-то, этой крыши не видели ни разу даже со стороны. Странно. Наверное, это потому, что на последнем этаже лестница упиралась в потолок. Дом Чудес, не иначе. Хотя, опять же, со стороны на дом это чудо было похоже меньше, чем может показаться по тексту. Скорее, это была маленькая, трехэтажная цитадель, и выглядела она вообще довольно жутко. Особенно учитывая ее, уже нагоняющий тоску, цвет.

Когда мы спустились вниз, у выхода, в небольшой сторожке, будто не являющейся частью дома, явно нас уже ждал один не очень приятный на вид тип. Не очень приятный потому, что от волнения был красный как помидор. Мы уже видели его раньше, но я сразу не мог вспомнить, где именно. На его одежде красовался знак краалии "Синий Попугай". Это была краалия пиратов Орги, хотя с полной уверенностью назвать их пиратами можно было лишь с большой натяжкой. В море Орги, вечно грозном даже при его размерах, суда ходили, после пожара в

Кацере, редко, а созданный всего пару лет назад «Кодекс Честного Пирата» и вовсе превратил Попугаев в морских торговцев. Никогда не понимал, зачем пиратам следовать таким правилам, учитывая, что они не просто не армия, а ее антипод. Возможно, так они показывали свою лояльность Алым Пескам, к которым, в последнее время, все преступные Краалии побежали как к единственной дороге в жизнь. Как по мне, они должны были заранее понимать, в какую пустыню они лезут. В Алых Песках монархия Мерсера всегда брала верх над всеми входящими в них организациями. Не подчиняешься его правилам – утонешь в зыбучих песках. Кажется, Большой Военный Совет Ордена и Совет Октолимов, их участники, жили так же. Неудивительно тогда, что там появляются такие индивиды, как тот же Даллахан, в прошлом легендарный Верховный Кроуз Ирмии, ныне опаснейший в мире, разыскиваемый всеми странами, преступник.

Пират-Попугай, что нас ждал, стоял явно сонный, но, похоже, чтобы не уснуть на месте, крутил в руке некую цилиндрическую вещь, похожую на Манакту. Сам же Попугай был неотёсанным, одетым в жилетку, открывающую обнажённую сильную грудь, синеволосям амбалом. В Синем Попугае у всех волосы были синими, якобы под цвет морской волны, хотя Орга и не была морем. Скорее, это было очень большое озеро, на берегу которого, по сути, и стоял наш город – Кацера. Нынче почти рыбацкая деревенька, полностью лишённая былой славы.

Мы подошли ближе к Попугаю, и я как раз смог разглядеть вещицу у него в руках. Заполненная прозрачной жижкой капсула, закрытая металлическими ободками по сторонам. Первый взгляд меня не подвёл, и это была Манакта. Манакты были очень редким и дорогим удовольствием для октолимов, и значительно увеличивали уровень внутренней силы того, кто их съест, да и на вкус они тоже были весьма приятными. Однако, ввиду высокой стоимости, их редко можно было увидеть в рыбацких бухтах, которой, по сути, и являлась теперь Кацера. Также, они сильно изнашивали организм, из-за чего при их использовании можно было устать быстрее, чем успеешь использовать какое-либо окто. Хотя и, конечно, я сильно преувеличиваю, но состояние после их поедания можно было сравнить, разве что, с неделей запоя.казалось, будто тело изнутри разрослось, и само оно покрывалось крохотным слоем Зеленого Пламени, придавая похожий цвет и внутренней силе, что в бою мешало ее скрыть. Тогда это было очень неудобно, но получаемой мощью это вполне окупалось. Все равно странно, что у кого-то в Синем Попугае было нечто подобное, учитывая, что среди них вообще вряд ли были октолимы. Он, в свою очередь, нас также заметил, и положил Манакту в единственный карман жилетки, как-то сухо, больно морщась, откашлялся, и заговорил.

– Ох ты, а мне сказали, что вы уже должны были уходить! Я сюда погнал сразу, а вы еще спите. Полчаса стоял ждал. Но как же я рад, что я вас не упустил! Это я, Вильцед, если помните! Я вас тут поблагодарить хотел. Помните, в лесу на меня Нэлл напал, а вы его замочили? Так вот, я вас тогда отблагодарить не успел, а вы усвистели быстро, но я того Нэлла башку то, в общем, продал, и за нее мне целую рухву дали. Знаете, братаны, эта сука же в местных лесах-городах наводила шухер страшный. Я вот как раз решил вам за то, что Нэлла завалили и меня спасли, ребят, купить кое-чего! – прокричал хриплым, явно пропитым за оставшиеся деньги, голосом, Вильцед, затем достал Манакту, появлению которой мы якобы удивились.

Лицо у Вильцеда, грязное, грубое, и полоской на бороде заросшее, было таким торжественным и взволнованным, что Френтос не выдержал и заржал как конь. Мы же с Тарготом просто улыбнулись тому факту, что деньги, которые мы за Манакту сможем выручить, нас стали искать теперь, наконец, сами. О том случае в лесу под Лазом мы даже и не особо помнили. Тогда мы как раз выполняли контракт, и деньги за убийство Нэлла мы тоже получили. Не рухву, конечно, но все-таки хоть что-то. Это был далеко не первый ард, от которого нам приходилось кого-либо спасать, но что Вильцед решил нас так за это поблагодарить, мы, если не скрывать, даже и не ожидали. Да и как вообще он получил деньги за убийство арда, если

ранее их уже получили мы, тем более в таком размере? Неужели прессовал с друзьями соседние деревушки?

– Манакта. Забавно. Ты ее где взял, дружок? Море принесло? – с насмешливой улыбкой принял предмет Таргот, невысоко подбрасывая его рукой.

– Не море, а морская торговля! Мы же не всегда кого-нибудь грабим. С другими пиратами мы тоже со...этовьем. Я купил её у старика Бонта за четырнадцать с жопкой ренов, а на остальное и сейчас можно побухать. Ну так что, братаны, вы в деле? Все веселье за мой счет, и уже на корабле! Будет весело! – раскрасневшись, торжественно заявил, готовый от радости взлететь и сгореть на солнце, Вильцед. Интересно, как он вообще купил манакту за четырнадцать ренов? Что там за "жопка" такая была неподъемная? Хотя их, пиратов, вообще обычно понять в таких делах тяжело. Зная их способность считать свои и чужие деньги, 14 ренов вполне могли оказаться, спьяну, 41 реном.

Его предложение присоединиться к компании его друзей-пиратов мы приняли охотно. Точнее, его принял Таргот. Сложно сказать, зачем именно, но мы, как и раньше, надеялись, что однажды он нам это, все-таки, объяснит. Никогда не объясняет, а тут вдруг, может быть, объяснит. Может быть, он вдруг передумал тащить нас в Ренбир? Нам еще нужно было какое-то время, чтобы окончательно для народа принять облик «опасных бандитов», а дружно выпить с пиратами на их же судне – что может быть для этого лучше? И если на самом деле Таргот хотел лишь для этого с ними немного поболтать, наша репутация его, кажется, волновала уже не так сильно...

Что ж, кажется, я забыл представиться. Пожалуй, начну с начала, чтобы все было яснее. Мое имя Соккон, из Братьев Кацеры. Френтос и Таргот – мои старшие братья, но самый старший из нас Таргот. Мы были «из Кацеры», когда еще Кацерой называли земли рода Кацер, представителями которого мы и являемся. Тогда Кацера была куда больше, известнее, и жило в ней много народу. Всего в семье у Графа Джоджи Кацеры и Графини Немиры Кацеры было четыре ребенка: Соккон, Френтос, Таргот, и Лилика. Последняя была нашей младшей сестрой, и была не сильно младше меня, всего на два года. Мы с Френтосом примерно одного возраста – мне 18, ему, с разрывом всего в 3 месяца, 19. Таргот почти ровно на 4 года старше Френтоса. Сам наш отец, Граф Кацера, был человеком очень известным и очень богатым. Земли наши были велики, и жили мы прекрасно, хотя родители нас особо и не баловали. В семье это было не принято...кажется.

У нас была довольно необычная семья, если сравнивать ее с семьями знакомой нам прочей знати, известной нам, и родители никогда не пытались «использовать нас» для укрепления связи с ними. Никаких планов на браки по расчету, и никаких выталкиваний в большой и страшный мир к Трем Столпам, даже учитывая, что каждый из нас им прекрасно подходил: Френтос – Алым Пескам; Таргот – Ордену; Я – Совету Октолимов. Лилика, наверняка, туда же, куда и я. По поводу нашей родословной уже возможные слухи я, наверное, только подтверждаю – все поколения рождались от союза брата и сестры. Причем, наверное, наше поколение Кацер вообще единственное, в котором ребенка родилось не 2, как раньше, а 4, и все вообще ничем не схожие. У всех Кацер, включая и наших родителей, были ярко-красные волосы, и того же цвета глаза. Вот и странно, что наше поколение эту закономерность нарушило, и только у Таргота все признаки Кацеры есть, как и должны быть, хотя я полностью уверен, что все мы четверо – совершенно родные люди. Тем не менее, у нас однажды вдруг появился какой-то странный, страшно модный дядя. Как сейчас помню, он всегда одевался в дорожную, непозволительной роскоши даже для нас, одежду с узорами в виде языков пламени. На нем всегда было много украшений с рубинами, а глаза и волосы его были как раз как у наших родителей – огненно-красные. Но родным нам он не был, да и выглядел он явно младше наших родителей. С ним иногда приходила какая-то странная женщина, вечно скрывавшаяся от нашего взора любыми доступными методами, чаще просто убегая. Таргот и Лилика, однажды, сделали наблюдение,

что она приходит в наше имение и сама, и незаметно будто следит за ними. Мама говорила, что она просто стесняется показываться на людях, но не представляет никакой опасности, и дядя не приводит ее с собой, а она приходит с ним сама. Кто она и дядя вообще, нам так и не рассказали. Возможно, все это мы, как и одну тайну, которую я узнал на 16-тилетие, должны были узнать чуть позже. Увы, до этого мы так и не дожили...

Многие жители Запада, думаю, уже знают, кто такой Граф Дума, как и знают, кем были раньше головорезы из Краалии Львиные Сердца. Да, когда-то и мы думали, что их давным-давно уничтожили странствующие рыцари. Как оказалось, уничтожили не всех, и всего тридцать, если не меньше, головорезов, во главе с самим Графом Думой, решили, одной ночью, напасть на наше имение. После этой ночи на моем лице, что я всегда пытался скрывать пучком волос слева, остался ужасный шрам, как и на голове Таргота под волосами. Эта ночь снилась в кошмарах нам всем, и я помню ту ночь лучше всех, как бы не хотелось ее забыть. Ту ночь, когда погибли наши родители, когда мы потеряли сестру, и когда Таргот, впав в бешенство, впервые использовал свое окто. И пусть сила его была, в момент первой материализации, очень велика, Графа Думу окто Таргота ранить так и не сумело. Я все еще помню почти мертвую тишину, нарушаемую лишь собственным плачем, раненого Таргота, лежащего перед нами с Френтосом, и те жуткие доспехи, обьятые Черным Пламенем. Казалось, будто весь мир вокруг нас залился кровью, и сама смерть, несомая взглядом безжалостного Думы, уже с головой поглотила нас сразу, когда сознание, от удущья, вызванного дымом, нас покинуло.

Кое-как оклемавшись после произошедшего, выжившие не иначе, как чудом, мы с братьями решили отправиться в странствия. Узнать, каково же это – жить на грани. У нас было достаточно средств, чтобы путешествовать как минимум год, пускай столько мы и не путешествовали. Да и средства наши кончались быстрее, чем ожидалось. Все-таки, это было все, что мы смогли достать после пожара. Тогда мы уже потеряли прежнее значение слова «дом», и лишь через два года мы приобрели что-то подобное ему, хотя все равно появлялись в нем редко. Решение не упоминать своего происхождения принял Таргот. Мы хотели начать жизнь так, как желали сами. Забыв о том, что оставило на нас такой тяжелый след. Мы стали никем, и уже никем не хотели быть.

Когда Кацеры превратили в обычный затхлый городишко, заново начав его перестройку, и когда об этом случайно узнал Таргот, мы и решили туда вернуться. Ничего не скажешь, а о своей силе мы заявили уж слишком жестко. Как дикари кинулись мешать всем возможным Краалиям. Мы их, мягко говоря, ненавидели, и даже самые безобидные Краалии, занимающиеся доставками и прочим, мы презирали. Как минимум, поэтому нас и приняли за сумасшедших. За год странствий мы вполне могли и одичать, и уровень нашей внутренней силы только подтверждал это. Октолимов тогда стало уже довольно мало, а почти все они не дружили с головой, поэтому люди нас, то есть октолимов, и не любили. Мы начали заводить друзей среди бандитов, отправлять различные органы власти «покупаться» в море Орги, и устроили себе домом здание, в котором, за парой исключений, лишь из уважения к себе жить бы никто не стал. И мысли о том, что великая семья Кацер вернулась в родные земли, все больше покидала разум людей. Все было так, как мы и хотели. Никто даже не хотел верить, что мы можем быть людьми знатных кровей. Пусть все и знали, что мы и есть те самые Кацеры, но будто потерявшие всякий разум после травмы, которую нам нанес Граф Дума. Даже уже нацеленные на помощь нам, кажется будто бескорыстно, старые знакомые от нас мгновенно отказались. Лишь пара и ранее не менее сумасшедших друзей детства продолжали говорить с нами как и прежде, даже не замечая, насколько дикими мы вдруг стали. Кое-кто только теперь вздохнул с облегчением, понимая, что "нянчиться" с выжившими Кацерами и их возможными претензиями не придется. Свои претензии мы без разбирательств направили против Краалий. Причем, именно общественно полезных.

Неприязнь и страх, что вызывало каждое наше движение, мы видели каждый день. Теперь, когда мы с братьями и Вильцедом вышли из дома, перепуганные нашим появлением люди снова разбежались кто куда. Не понимаю, правда, зачем они вообще собирались у нашего дома. Их было человек десять, а одеты они все были как рыбаки. У одного даже была удочка. Как раз он и остался стоять около дома. Как только мы его заметили, пришлось немного потопить и без того быстрого Вильцеда, как раз уже начавшего на месте нам о чем-то рассказывать. Это был Рыбак. Думаю, можно понять, что это за человек, приведя один простой пример: когда мы выходили из дома, нигде было не скрыться от палящего уже с самого утра алого солнца, но когда мы его заметили, тенью облака мгновенно накрыло весь наш поднебесный простор. Не то, чтобы мы его, Рыбака, и вправду боялись, но мы уж точно любили пошутить по поводу него. Говорят, он был человеком с такими странностями, что с ним никто всерьез не дружил, ведь одно его присутствие вгоняло в депрессию. Увидев его, нам только больше захотелось выпить, хотя изначально это хотелось делать лишь Френтосу, а я вообще пил редко, тем более хоть не с утра пораньше. Как говорил один старый друг Френтоса, Микола, когда-то пытавшийся напоить нашу сестру чаем с женским возбуждателем, "Я пью не много...А, у вас есть? – выпивает залпом столько, сколько я не выпил бы за день. – Я пью много, только когда есть много."

Увы, быстро скрыться из поля зрения кого-либо на нашей "главной" дороге было уже как пару дней невозможно из-за дождей. Дорогу не размыло, а она, просто-напросто, всегда представляла из себя смесь грязи, песка, присыпанного крупами и зерном, махоркой, кое-где рыбой, и злостно досаждавшими родителям своими действиями, барахтающимися в ней детьми. Утопая в этом месиве по щиколотку, противно хлюпая и чавкая легкими замшевыми сапогами, на всякий случай надетыми мной для посещения Ренбира, я с трудом дотягивал ногу до ноги, и так же едва успевал за братьями и Вильцедом. Совсем скоро грязь вокруг должна была уже осушиться и закоптиться на солнце, но, увы, бледные, бархатные облачка не желали этого так просто допускать, скрывая за собой все еще оранжевый восходящий его диск.

Приятный влажный бриз разносился с моря, и кое-где, по сторонам, кричали люди. Утро давалось нашему городку довольно тяжело, ведь караванами оттуда часто выходили повозки, следуя с грузами, запряженные гнедыми, но почти всегда старыми и дряхлыми лошадьми, в сторону порта. Суда пришвартовывались ненадолго, дабы не выбиваться из планов. Живший по соседству в кузнице старик, словно леший обросший всюду седыми волосами, плечистый и сухой, отгонял от плавильни, от которой и за версту, казалось, несло жаром, непослушных детей, пока их за шиворот не оттягивали родители. Завидя нас, старик взял кочергу, раскаленную докрасна, и весело помахал нам ей, радуясь, что мы, возможно, еще к нему сегодня заглянем.

– Здраве будьте, ребят! – приветливо, роняя сажу с кочерги, горловым басом кричал нам кузнец. – Давеча, Соккон, мечишко не потрескался?

– Твое во век не потрескается. – улыбался ему я, проходя мимо, зная его манеру манить всех проходящих господ известным всей округе его мастерством, и желанием самолично на них обоих, его и его мастерство, взглянуть.

Тут и там слышались крики мужиков, запрягавшись еще минуту назад тройку несших за собой обоз товара с Лафена лошадей, теперь вдруг отказавшихся помогать их делам. Два мужика, уже немолодых, покрасневших с похмелья, схватив моток веревок, вскочили с лавки у дома одного из них, и с криками нагнали одну из вдруг сбежавших лошадей, повязали ее, оседлав словно дикого быка, и свалили ее наземь. Разбрасывая копытами грязь даже в нашу сторону, пустив ее целую охапку в спину Френтосу, сильная молодая кобыла ржала, фыркала, извиваясь в путах, пока мужики довязывали ей копыта. Френтос нервно плюнул в сторону, оттирая рукавом мокрую и холодную, скопанную из глубин дороги, грязь, приняв такое за работу лошади, не привлекая к этому вины мужиков. Я ему решил немного в этом помочь, и

на секунду нам всем пришлось для того остановиться. Мужики, глядя на нас теперь, только гадко ухмыльнулись, вроде думая "Так вам, бандитам!"

– Как думаешь, заплатят? – указывал товарищу на хозяина лошадей, бригадира грузчиков у лавки Седого, один из них.

– А думаешь, нет? – самоуверенно разминал порозовевшие с хоть какой-то работы ручища его товарищ.

Не проходит и минуты, как работники каравана отбирают лошадь у мужиков, вручая им каждому денег максимум на бутылку "похмельного спасения", и то кидая их в грязь, откуда мужики еще минуту пытаются их вытащить. Мы, тем временем, уже уходим куда дальше вниз по дороге, в сторону порта.

Обозы проезжают мимо, по грязи, довольно тяжело, и лошади еле-еле не застревают в ней. Бессолнечная прохлада после недавних дождей пробирает кучера мимо проезжавшей тройки до костей, и он, сам старый, как смерть бледный, краше в гроб кладут, сжимается в клубок руками и ногами, дабы закрыть ими рваный промерзший полушубок. Богачи, кроме торгашей, уже давно забыли о Кацере и делах с ней, и нищета с головой накрыла ее. Не мудрено, что люди вокруг, едва сводящие концы с концами, с такой завистью и злобой наблюдали тогда за каждым нашим движением – в одном лишь мешке Таргота мы несли больше средств, чем было у всех жителей новой Кацеры вместе взятых, учитывая даже торговцев и ремесленников. Просить и умолять эти жители также либо не умели вовсе, либо просто боялись. Коренных жителей Кацеры в городе и было еще пару семей, ненадолго уезжавших из города на время нападения на наше имение Думы и его поделщиков, и пожар они также пропустили. К слову, вообще странно, что Дума тогда заручился чьей-то помощью, ведь всегда он, как и Даллахан, был одиночкой, не державшим связи вообще ни с кем, оставаясь загадкой, жуткой и опасной, для всего населения Запада. Никто из нас троих с братьями не видел тех головорезов, но что они там и вправду были – факт.

Брущадка порта пусть и была немало занесена грязью, по ней передвигаться было уже куда проще и приятнее не только нам, но и обозам. Спустив с нас со всех грязь с помощью окто на нее, Френтос специально, для забавы, взял наиболее твердый ее кусок в руки, и кинул его, на немалое расстояние, прямо одному из стражников порта в спину, едва не сбив его с ног, испачкав весь зад его дублета. С лицом еще не проснувшегося не то гнева, не то удивления, стражник повернулся в нашу сторону, сразу решив, что с такого расстояния докинуть грязь до него и так точно мы бы не сумели. Не найдя виновников, он попросил товарища, спавшего стоя и обнимавшего при этом древко алебарды, отряхнуть его, в то время как сам уже собирался было во весь рот зевнуть. Помешало ему неожиданное ими обоими появление впереди еще десяти стражников, в изголовье строя которых в сторону одного из кораблей, пришвартованных в порту, шел молодой офицер. Стражники решили действовать незаметнее, пусть и офицеру на них явно было плевать. В порту тогда остановилось лишь четыре корабля, все довольно крупные, и последним из них приплыла, явно самая маленькая, торговая шхуна, загруженная тоннами ящиков точно и не ясно с чем, и капитан ее, с обветренным детским лицом барин в волчьей шубе, уже как раз регистрировал ее в будке регистратора, явно также, как и все вокруг, страшно не выпавшегося.

В порту не было тихо, и кислый запах овощей с ближайшей помойной кучи на территории чьей-то хаты разносился по нему бризом не хуже запаха свежего конского навоза, появившегося, кажется, лишь секунду назад. Звуки из города хорошо перебивались портовой суетой, грохотом колес обозов, ударов волн о мостовую, и рассказами Вильцеда о его ненормальных товарищах, которые то "Пошли ловить угря на макарошку", то "Выломали с борта доску на костер, и ей забили вдруг образовавшуюся на ее месте дыру с обратной стороны, когда корабль начал тонуть". По его словам, в порту Кацеры уже не останавливаются обычные пираты, а такие, как они, останавливаются лишь закупить товара, чаще популярное ныне вишневое вино,

которое у них потом будет выпрашивать обнищавшая Налоговая. Как ни странно, Вильцед хорошо знал о делах Соляры с того момента, как он ушел в море. Было бы неплохо, если бы мы встретили его теперь и сами. Он был довольно умен, и с ним всегда было, о чем поговорить. Даже жаль, что его товарищи, еще прослышав о Шеагральминни, так скоро разбежались.

Портовый кран, странное металлическое сооружение, до сих пор удивительное нам, огромное и, кажется, совсем неустойчивое, работал сегодня сразу на два судна, явно не договорившиеся о его работе между собой. Должно быть, управлявший им человек нарочно, игнорируя крики с земли, и находясь на немалой высоте, складывал товары обеих сторон в одну кучу, пока работники, даже горожане, которым все еще не хватало на выпивку, разбирали их по телегам. Надо сказать, простым человеческим умом не понять действий торговцев старой закалки. Оба прораба носили тяжеленные ящики вместе со всеми, дабы хоть так сэкономить руйлу за лишнего работника...

Тут в наших планах вдруг образовалась трещина. Сразу до попойки, конечно, дело не дошло, и приветствовавшие нас в порту Попугаи, все еще с гневными лицами разминавшие руки, глядя на подходящую к ним десятку стражников, быстро сбежались с корабля на сушу, пусть и так было их не больше пяти человек, едва не валившихся с ног на землю со стеклянными от алкоголя глазами. Стражники решили, что наклеывается серьезный наезд на торгашей или терки с другими пиратами в озере, пускай оно и было размером с море... больше упоминать его размеры, пожалуй, не буду. Пираты позвали с собой Братьев Кацеры – это им донес еще кто-то из города, поскольку шли мы не так быстро, и кто-то наверняка мог, при желании, нас обогнать. Какие еще мысли могли быть у стражников, а точнее их командира, кроме как ни «Я должен помешать этому любой ценой!»?

– Чую, будет весело. – на ходу размял плечи и руки, мотая оборванными рукавами, Френтос.

– Да нет, все пучком, у нас есть абсолютное оружие против таких. Крупнокалиберный алкоголик-философ, названный Покрывалом. – свистя выбитым когда-то передним зубом, смеялся Вильцед.

– Что за прозвище? – удивился я.

– Услышите его, сами поймете. – махал руками товарищам, подпрыгивая на ходу, он.

И вправду, каких только выражений не узнаешь, проживая рядом с такими людьми, как вступившийся за своих товарищей первым крепкий на вид, звериной внешности, матрос Покрывало. Имя ему явно подходило как никакое другое. Не успели стражники подойти, и как следует закомандовать, как Покрывало принялся покрывать командуемого собравшимися на пристани «укротителями беспорядков» офицера таким матом, что сидевшие на пристани чайки в ужасе улетели восвояси, оставив белые, и богатые полезными ископаемыми, как говорили ученые из Ренбирской Академии Окто, подарки торговцам, никаких дел с которыми мы пока, возможно, не имели. Торговые Краалии всегда были нам чужды, а мы им были лишь сигналом к тревоге.

Офицер, конопатый, большебровый и злой юноша, был, поначалу, очень серьезен. Через пару предложений Покрывала, которые, к тому же, никак не были связаны между собой, он был уже очень напуган. На службе он явно был по связям. Настоящий патриот, но родной язык, похоже, использовал хуже самого обычного, казалось бы, пирата.

– Крупнокалиберный... Карронада, прям. – усмехнулся я, наконец поняв смысл имени матроса.

– Меньше литра водки за день не выпивает, иначе на плаву держаться не будет. – добавил Вильцед.

Долго стоять на месте зрителями нам не пришлось тоже. Пока Покрывало рассказывал о своей интимной жизни с родственниками собравшихся стражников, спросонья не способных даже дать ему в нос, мы уже давно были на корабле. Кроме того, что уже вышло изо рта мат-

роса, у него явно было еще много заранее подготовленных фраз и предложений. Они не понадобились. Командовавший стражниками офицер вдруг жестом вынудил стражников "осадить", и как можно быстрее покинуть пиратов. Им в след Покрывало, мерзко сжав скулы, смачно плюнул.

– Не хочу с такими выродками даже разговаривать. – растерянно, но притворяясь злым и серьезным, говорил офицер.

– Что-то они сильно борзые. Нужно вернуться чуть позже, выбить ордер на их арест, и устроить им встречную делегацию. Посмотрим, как они на нарах будут лепетать. – с более подходящим для ситуации агрессивным, бандитским лицом говорил старый стражник с носом кукурузного початка.

Едва ловя пиратов, явно в стельку пьяных, валившихся с трапа в воду, мы взошли на борт. Что не удивительно, встретило нас общество полутрупов, ходячей жижи и всего одного адекватного пирата. Стоило нам подойти к этому самому пирату, как выяснилось, что он и вовсе спит стоя, зачем-то подвязав себя по подмышкам мачтами. Выпивки на корабле уже, скорее всего, не осталось, зато был, всегда готовый сгонять за догоном, Вильцед. Он видел нарисовавшуюся за время его отсутствия картину, поэтому, не прощаясь, лишь в ужасе икнув, взял деньги и отправился за выпивкой, попросив нас троих его "немного подождать". Пираты уже совсем не обращали на нас внимания, будто нас на корабле и вовсе не было. Тем не менее, в начале они все равно успели все вместе протянуть "Ооооооо", после чего более, чем половину из них, как по команде, вырвало. И без Вильцеда нам сразу стало веселее от лицемерия подобного "чужого веселья", и мы решили не сидеть, смиренно его дожидаясь. Было занятие и поинтереснее.

Настоящие дебаты разразились за столом между представителями еле двигавшихся, заставлявших каждым своим движением скрипеть под ними доски, ходячими жижками, а также совсем не понимающими смысла собственных слов, полутрусами. Прозванные ходячими жижками, толстые матросы, во главе со штурманом, объясняли, что пить надо было не в порту, а уже в море, потому как тут всех достает стража, хоть и звучало это примерно, как «Вот бабка моя знала всегда все хлебные места, где выпить можно, а где пить – ***да. » или что-то в этом роде. Как ни говори, а слова того штурмана, вообще странным образом попавшего на такую должность при его весе, до полутрупов явно не доходили, да и до остальных жиж тоже. Его, спяну, это, конечно, совсем не волновало. Зато выражения его очень волновали и радовали нас. Должно быть, не один Покрывало славился в их компании "даром речи".

Помимо нас, эти слова дошли и до капитана судна, некоего Синяка Картофеля. Это был не единственный экипаж и корабль этой весёлой, хоть и, якобы, преступной краалии, но явно один из самых важных. Имя капитана их я, пожалуй, объяснять не буду. Картофель был староват, бледноват, бородат, дряхловат, и явно пьяноват. Даже слишком – слишком пьян. Икая через каждую связку слов, бормоча себе под нос, он уже вот-вот был готов пойти по течению, однако его пиратскую твердость водкой так просто не побьешь, пускай он был уже на грани. Он уже был готов просто-напросто "ворваться" в дискуссии, однако вместо этого ворвался лишь в пустую бочку из-под пива. Оказалось, бочка была не совсем пустая, а капитан был уже не так тверд в своем намерении "самому черту рога сломать", как он говорил каждому пирату, на которого теперь наткался то ногами, то руками, то, иногда, телом целиком, когда спотыкался о них.

В обсуждения того, где пить можно, а где нельзя, вдруг втесался и Френтос, а вслед за ним вступили и мы. Даже не представляю, как можно было бы описать весь тот бред, который мы тогда говорили. Вслед за нами, в уже ожесточенные переговоры, во время которых то и дело мимо пролетало что-нибудь острое, уже точно "ворвался" наш новый лучший друг. Покрывало показал самый настоящий словесный хаос всем собравшимся, и говорил он настолько ужасные вещи, что нам троим стало теперь ужасно смешно, а итак еле державшимся на ногах пира-

там как раз захотелось выпрыгнуть за палубу. В итоге, они лишь облокачивались на перила и выпускали ненужные теперь макароны и мясо, которые с заботой, явно не о них, а о собственном животе, приготовил им и себе их повар. Повар, в изрыганном, уже явно не белом, как раньше, фартуке, был представителем группы ходячей жижи, не способной даже доползти до перил, постоянно причитая, что часто задает себе вопрос, в чем заключается на корабле работа повара, и лучше бы он был стражем правопорядка. Сомневаюсь, что став стражем правопорядка, ему бы удавалось так же дни на пролет чесать спину половником, пиная...свой свисающий до пола живот.

Также стоит отметить, что единственный выдержавший, вселявший ужас во всех окружающих, мат Покрывало, с виду представитель полуживых, оказался на порядок более непрошибаем, либо алкоголем, либо Покрывалом, но без всяких проблем держался на ногах и уходить не собирался. На самом деле, этот человек и вовсе не был похож на пирата, да и странно, что мы заметили его лишь спустя какое-то время пребывания на корабле, а не сразу, как всех остальных пиратов, и даже тех, которых могло быть тяжело заметить ввиду их расположения на полу. Но этот пират, кажется, не пил вовсе, и на пол ему отправляться смысла не было. Будто пришел он только минуту назад, и мы этого даже не заметили.

– Слышь, Дуна. Ты ***и все еще здесь? Твой корабль уплыл! – почти залез на стол, возле которого ранее собрались другие пираты, передвигая его этим все дальше, Покрывало.

– Вильцед просил вас ничего не пить, пока он не придет. Но пираты есть пираты, да? – с абсолютно невозмутимым лицом проговорил Дуна.

Как ни странно, Покрывало, цыкнув, даже, кажется, теперь немного успокоился, и тихо отступил. Мы отступили вслед за Покрывалом, потому как больше нам на корабле, на самом деле, делать было нечего. Но я даже немного удивился, почему ни Покрывало, ни Френтос не сказали ничего тому самому пирату Дуне. Если он, на самом деле, вообще был пиратом, тем более, что и волосы у него синими, как у остальных, не были...

В принципе, долго веселье не продлилось. Вильцед уже вернулся с тремя стражниками, которых, похоже, угрожая Покрывалом, заставил нести всю купленную им выпивку на борт, к не только синеволосым, под цвет морской волны, пиратам, но и теперь к синим от алкоголя. Возможно, и заплатил им, кто знает? Они вовсе не выглядели ни капли возмущенными. Но дело было не в этом. Он быстро, в пару размашистых шагов, подскочил к нам, а лицо у него было немного встревоженное. Более встревоженное, чем следовало, после осознания им факта, что пить здесь придется теперь вообще ему одному. Остальные были уже не в состоянии и донести бутылку до рта.

– Вас в городе типок какой-то ищет. Говорит, чтобы вы к нему подошли, потому, как у него дело есть. Вообще он странный какой-то. Весь какой-то убитый, небритый, вонючий, и бормочет как-то странно. Говорит, в горах произошло что-то. Погром, или что-то в этом роде. Не знаю, как вы, а я бы на вашем месте не пошел бы к нему. Подозрительно это, слишком подозрительно. Да и скажет он вам что? Видно же – тот еще побирушка. – почти шепотом говорил Вильцед.

Но мы не испугались загадочного незнакомца. Единственное, чего мы уже испугались, так это пить с подобной компанией. Даже для нас это было...Кхм... В общем, это было слишком. На корабле мы уже побывали, и, при том, достаточно долго, если для общества это вообще тогда играло хоть какую-то роль. Теперь у нас появилась и возможность немного заработать. Так мы думали, и без промедления отправились к ждавшему нас "какому-то типку". После встречи с ним же мы как раз, похоже, и собирались встретиться с провожатым Таргота, чтобы тот помог нам добраться до Ренбира. Хотя и Френтос, несмотря на все перечисленное наше возможное будущее, все-таки, желал выпить с пиратами. Его организм, казалось, уже был настолько зависим от хмельности, что нам самим с корабля Попугаев пришлось тащить его, пока он дрался с нами смертным боем. Смертным, или даже скорее мертвым, потому как только

мертвый, или мертвенно-пьяный станет так нехотя махать руками, все равно причитая, что зря мы его забираем с собой. Он явно боялся случайно "серьезно" задеть Таргота, поскольку тогда ему, возможно, и вправду бы пришлось стать равным мертвецу, отключившись после касания его обеих макушек тяжелой перчатки Таргота. Вильцед, глядя на нас, делал на него упор в разговоре на тему "Видите, Френтос же хочет, так давайте, оставайтесь. Говорю же, будет весело!". Но наше с Тарготом нежелание иметь дел не с ним, а конкретно с его друзьями, было тогда уже непоколебимо.

Путь обратно к нашему дому, то есть к остановившемуся по соседству человеку, дался нам теперь ЕЩЕ ТЯЖЕЛЕЕ. Не выдержав такого сопротивления земли, то есть грязи, Таргот предложил нам с Френтосом незаметно запрыгнуть на одну из проезжавших мимо телег, скрыв при этом свои действия за счёт окто меня и Френтоса. Благодаря моему окто кучер, тот же самый страшный старик, уже поехавший обратно вверх к месту погрузки, не заметил, как мы стали частью его груза, а благодаря окто Френтоса не заметил, насколько вдруг телега потяжелела. Как только мы уже уселись как надо, я, из-за спины кучера, поглядел вперед, дабы уже от порта разглядеть вдаль таинственного незнакомца, к которому мы как раз ехали. В самой телеге, кроме нас, не было тогда еще ничего.

Как оказалось, Вильцед и вправду не преувеличивал, потому как тряску того самого человека было видно через весь город. Видно было мне, и благодаря окто. Похоже, он был напуган. Пока мы к нему ехали, вокруг уже неслабо похолодало, и солнце уже окончательно скрылось за пеленой свинцовых туч. И снова Бездна Марконнор тянула к нам непогоду. Хотя и вряд ли тот «типок» трясся от холода – это было видно по его глазам. Пусть и видел я их выражение, опять же, лишь благодаря окто. Кажется, его в тот момент заговорил кузнец и его вечный собутыльник Дмитрий, у которого, как и раньше, зуб на зуб не попадал после купания в Орги. Обычно, они с кузнецом отмокали там на пару, потому как и пили для этого они вместе. Скорее всего, наш незнакомец теперь объяснял ему, что у него нет денег на вечный спор Дмитрия с каждым прохожим о том, "Смогу ли я, за десятину, выпить литрон волчарки?". В наших краях на водку, с ее отвратным качеством, хватит даже у неимущего, если он даст за нее кусок грязи. Пока одна сторона будет думать, что же в этой грязи такого особенного, другая уже напьется. Но Дмитрий на одной водке никогда не останавливался. "Да что ты выкабениваешься? Мы тебе хороший спор предлагаем. Закуски только чуток купишь, мы начнем. Все равно, если что, не много потеряешь!" – как по плану, слышал я его хитрый голос благодаря окто. Конечно, Дмитрию важнее была теперь именно закуска – здесь на еду хватало и вправду не у всех. Незнакомец испуганно отошел как можно дальше в сторону, поняв, что говорить с подобными людьми ему не стоит.

– Что за народ пошел? Руйлы на спор не найдется! – гневно ударил себя по коленям извивающимися в грязи волосатыми руками Дмитрий.

– У меня есть идея получше твоих споров. Один нажрешься, а мне, как всегда, нема. У меня есть тут что загнать можно... – кашляя и перхая, деря горло, засмеялся кузнец.

– Ну вот. Сейчас нажрут, камня на камне не оставят. – исподлюбья пробубнила как раз проходившая мимо черная от загара, кривая бабка.

– Митька и Димка? Ну, хоть ты нам помоги, Бог Судьбы – отрави им водку, идиотам. – испуганно глядя в небо, вздыхал стоявший рядом курносый дед.

Да и напуган тогда был, явно, не только он, ведь все давно знали, что мы, Кацеры, рэкетиром Краалии, причем без разницы какие, и что дружим мы с бандитами вроде Налоговой, поэтому наше неожиданное посещение судна Синих Попугаев, и что после этого мы так просто ехали в повозке торговой Краалии домой, казалось людям чем-то совсем страшным. Даже коротконогий мужик, Белуч, сын известного самогонщика, "седой, а не старый", развалившись на скамейке у своей хаты, и прилаживающий отвалившуюся от нее щепку обратно к доске, удивленно зачесал голову, привидя нас. Проходившие мимо нашей телеги бабы, совсем напле-

вавшие на тянущиеся по грязи юбки, даже тихо гневно что-то бормотали, прикрывая платочками соломенные грязные волосы. Мы не реагировали на них, поскольку уже давно привыкли к этому. Одним лишь желанием кому-то напакостить мы прославились уже и далеко за морем Орги, и спустить штаны с мимо проходящего, косо глянувшего на нас мужика, окружающим на посмеище, Френтос мог без каких-либо усилий, просто пожелав сделать их чуть тяжелее. Как-никак, а мы уже как пару лет были одними из сильнейших октолимов Запада, не считая только неких не особо прославивших свою силу личностей, и Информаторов. Один из них даже однажды приходил к нам, и предлагал работать с ними. Их работа заключалась в том, чтобы искать подтверждения, и доказывать людям то, что ещё давным-давно людьми правила некая великая и могущественная раса – имтерды. В их теориях люди были равны домашним питомцам, или вообще рабам, не знаю, что страшнее. Подтверждений этих тогда было не очень много, ибо, по словам Информаторов, местный правитель и Три Столпа уничтожали все найденные ими улики, дабы всегда считать человека – венцом творения Богов, которые, на самом деле, и сами когда-то приложили руку к исчезновению имтердов. Мы были не фанатичны, и о существовании в истории имтердов большинство итак знали, но и к Информаторам присоединяться не хотели. На самом деле, что не нравилось людям, Информаторы рассказывали не просто о войнах с имтердами, имевшими место быть, а о том, что они, фактически, были высшей расой, на стороне которых против людей и ардов выступил сам наш создатель – Лорд Винторис. По их словам, именно люди начали войну, в результате которой Земли Марконнор ушли в Бездну, то есть произошел Великий Спуск. Как ни погляди, они считали такую историю людей плохой, пусть даже в той войне, точно и не известно как, победили мы. Даже если и величайшие октолимы мира, что вели войска людей, после этого бесследно пропали. Все, кроме Богов, ушедших в тень. Одно было более чем ясно – правителям испокон веков было, что скрывать. Пусть бы даже этим чем-то и не была причастность к узурпации нашей расы ее же создателя.

Первыми октолимами Запада всегда называли самих Богов. Многие им поклонялись, но почти никто и никогда не видел их сам. Хотя и, наверняка, в нашем королевстве, Высокой Ирмии, и были октолимы сильнее нас и помимо Богов, но сила их была иной, и получили они ее иначе. В основном, это были учителя из Ренбирской Академии Окто, а точнее из Совета Октолимов. И силу, к примеру, Таргота, они, ввиду, как минимум, нашей не особо великой популярности, не воспринимали должным образом совсем. Не многие знали о нас тогда, о том, что мы еще живы и вернулись в родные земли, потому как мы редко уходили далеко от Бездны. Но те, кто знали, знали, как раз, с плохой стороны, как и было нужно нам. Не делать ничего особо плохого, но делать все остальное так, чтобы другим это, все равно, не нравилось – таким и был наш план. Пока мы вдруг не вернемся в мир теми, кем являемся. Если мы когда-нибудь и сможем снова стать такими. В одном окружающие нас люди, наверняка, все-таки правы, и после встречи с Графом Думой никто не сможет жить как прежде. Даже мы, уже частично спятившие наследники великого рода Кацер, пережившего все времена здесь, в своих землях, еще с самого Великого Впуска...

Ждавший нас, и вправду, у нашего дома, человек, когда мы, на всякий случай, решили пораньше слезть с телеги, быстро взял ноги в руки и помчался к нам. Когда он подбежал, мгновенно смрадно пахнув на нас потом от явно не знавшей стирки рубахи, стало ясно, что описание Вильцеда было более чем справедливо. Рубаха его, вся его одежда, помимо сырости, была будто заранее извалена во всей возможной грязи, зеленая от ползаний в траве явно в поисках ягод или грибов для пропитания его впавшего худого живота. Угольные волосы его были пыльными, грязными и взъерошенными, а руки и ноги до крови съедены клопами. Таким время от времени бывал Френтос, и так он выглядел куда более буйно, ведь именно такого образа он всегда и придерживался, пусть и клопов к себе он и близко не подпускал. Бегал Френтос, конечно, тоже не так тяжело, явно с очень большим трудом, как тот "типок". Как раз

так, перепрыгивая как можно дальше из грязи в грязь, он мчал к нам, и поэтому, добежав, уже задыхался. Хотя и...то ли как-то наигранно, то ли слишком устало. Глаза у него, маленькие и глубоко запавшие, сразу ярко загорелись.

– Прошу...выслушайте...мне нужна...ваша помощь. – с постоянными паузами на вздохи, говорил "типок", точно и не понятно мне, почему ждавший для помощи конкретно нас троих.

– Ты давай только по порядку. Что случилось, где случилось, что делать, на какую сумму делать. – почти с каменным лицом, стараясь игнорировать совсем приторные и едкие запахи, испускаемые человеком, говорил Таргот.

– Я вам все отдам! Все, до последней рубли! Но только прошу, помогите! Мы с семьей хотели провести старого моего друга, от которого по воле злого случая Бог Судьбы однажды отвернулся, как вдруг камни начали падать, будто с небес. Моих родных и друга завалило падающими камнями, а сам я их убрать не могу. Умоляю, помогите мне вытащить из завалов своих родных! – почти плача умолял нас на коленях, махая облезлыми руками, так и не назвавшийся "типок".

Мы с Тарготом, несмотря на его дела в Ренбире, и не спешили отказываться, другое дело Френтос. У него на языке явно крутилось слово "вонючка", которое он так и желал было выкрикнуть, чтобы использовать его в оскорбление просящего нас уже на коленях о помощи человека. Таргот взглядом заткнул ещё даже ничего не сказавшего Френтоса, и мы, добавив для уверенности пару слов неуверенности, согласились. Тогда человек назвал себя Чеисомом, а затем начал благодарить нас, целовать грязь, едва по уши в нее не уходя, а затем и бросился на нашу обувь, но мы жестом остановили его, и напомнили, о чем он нас просил. Чеисом быстро взял себя в руки и повел нас к подгорному выходу из города, через лесную тропинку к единственной находившейся рядом горе. Горе Геллара. Пусть и добирались мы до нее, благодаря той же грязи, довольно долго, серьезно сбавить темп нам пришлось лишь у места погрузки, лавки Седого, где кипела работа, а от людей, груза, лошадей и телег было уже почти не протолкнуться.

Сам Седой сегодня был не в настроении, и продолжал нервно, компульсивно снимать и надевать носок на правую, кривую после "дуэли с быком", ногу. Поскольку сам он часто подвергался приступам тех же компульсий, лавкой и ее делами вообще обычно заправляли его дочери. Старшая из них, Вита, вечно одевавшаяся не по местности богато и прилежно, была мне хорошо знакома, и как-то рассказывала мне, спьяну, конечно, о подробностях завещания старика Седого. После случаев, когда Седой, в бреду от болезни, начинал в умывальнике мыть гениталии при гостях и дочерях, неудивительно, что дочери и сами желали ему побыстрее лечь в уже подготовленный ему в гумне гроб. Ой и хорошо, что Седой не знал об этом самом страшном куске осины – даже за такую оценку его жизни к смерти он бы высек дочерей как сивых кобыл. Особенно учитывая, что старшая и была размеров немалых, щекастая и пухлая, пусть даже в чем-то еще красивая и лицом умная. В отличие от младшей, с рождения дурной девки.

– Оп, оп, оп. Кура, смотри кто к нам идет! – захлопал в ладоши, весело поворачиваясь к нам, Седой.

– Маму мою ты курой звал, меня зовешь, и сестру мою. И не стыдно тебе, кляча? – отвесила тяжелый подзатыльник отцу Вита.

– Ой, а как вас называть? Доча не нравится, по имени не нравится, а за как есть говорение бьете. Вот правильно говорят – курица не птица, баба не человек. Ни капли уважения! – с притворной горечью заныл Седой.

– Вот Соккон знает, как надо, да? – весело помахала она мне рукой.

– Не представляю, о чем ты. – нарочно проигнорировал ее жест я, будто впервые ее видел.

– Ой, знаю я тебя, плохого танцора. Не обрюхатил, и на том спасибо. Не люблю детей, да так и помру без внуков. – уже более сухо говоря, сложил руки на груди Седой.

– Ну зато если на бабу еще кто-то кидается, значит не совсем она уродка. – добавил Френтос.

– Соккон и на кобылу старую кидается, что ж мне теперь, с кобылой свою курицу сравнивать? – вынул свою дочь дать себе еще подзатыльник посильнее Седой.

– Лавку решил распродать? – кивнул на столпотворения перед ней Таргот.

– А, ну да, ни ответа ни привета. Это вот – закупщики. Мы сегодня товара уже заказали на выручку, кой-чего уже привезли, и думаем пиршество устроить, как у богачей. А как сделать это знать не можем, так что думали из знати кого пригласить, чтобы они нам подсказали. – обвел рукой весь простор вокруг себя, будто показывая размах пиршества, он.

– Мы пас, идем в Ренбир сегодня. Безотлагательный визит, понимаешь.

– Понимаю, понимаю. Вечно вы так. Но я вообще все равно думал вам тут одну штучку вернуть, а то вдруг забыли. Я же тоже забыл, потому как думал ее сначала Щенку загнать. Но вот под руку попала она, и вы туда же.

Не вынимая второй руки из кармана полушубка, он кинул Френтосу, вытянутый из другого кармана, браслет. Как нельзя вовремя, когда его Френтосу нужно было менять. Была это, конечно, Лемоть. На ней, вдоль, угольной краской было написано "Должок идиоту".

– Остроумно. – ухмыльнулся Френтос, осмотрев браслет и надпись.

– Всегда пожалуйста. – гадко, по-старчески, хихикнул Седой.

Прошли мимо погрузки мы по двору лавки, дабы не мешать людям, и тогда, как раз, худющая, кожа да кости младшая дочь Седого, выбежала к нам с веником, только закончив убирать участок. Кинув нам вдогонку "Ишь, чистюли, будто грязи бояться, а другим несут!", она принялась кричать уже на грузчиков, забирающих из лавки ящики с товаром. Только один из них, явно уже и без того знакомый семье Седого мужик, покуривавший сигарку сидя на одном из ящиков, решил ее уговорить, поскольку была она, в тот момент, до безобразия свирепа.

– Молчи, сука, а то встану, костей не соберешь! – крикнул он.

Седой, слышав такую страшную грубость, только вздохнул. Дел у него и без того было невпроворот – а вдруг украдут что? За всем нужно было следить как можно более тщательно. Маринованные яйца, сушеные яблочные дольки, и прочие не по карману нищему кушанья, из ящиков то никуда бы уже не сбежали. А вот дом, откуда грузчики их таскали, и его ценности – без охраны.

Часто безлюдная, верхняя часть Кацеры, была и сегодня тиха и спокойна. Здесь и грязи было меньше, и людей, и дома здесь почти все стояли как-то грустно и одиноко, будто на отшибе, да кроме стражников у городских стен не было видно не единой души. Даже те, казалось, кто должен был сегодня работать, почему-то без дела сидели на участках, не обращая никакого внимания на нас. Стражники у ворот только лишний раз доказывали брэнность той части города, патрулировать которую они и были вынуждены. Они почти не смотрели на нас, пока мы не подошли к ним. Бревенчатый забор, высотой максимум с человеческий рост, стал им только опорой, поскольку им, как и их товарищам в порту, явно все еще страшно хотелось спать.

– Таргот? Привет. У тебя не будет... пары-тройки рен до понедельника? – вдруг заговорил с Тарготом один из них, для приличия даже не говоря о стороннем.

– Аванс пропил? – хладнокровно посмотрел на него Таргот.

Стражник, средних лет мужчина с угрюмым и грустным лицом, только вздохнул. Его печальный голос уже не задевал нас, ведь все мы прекрасно знали, что он, Шалыс, большой охоты влезать в долги человек, не вернет денег ни в понедельник, ни через два. С другой стороны, задумчивость была ему не к лицу, и вечно нервно дергавшийся вправо его длинный тонкий нос тогда будто успокоился. И вправду, тогда он уже не был похож сам на себя прежнего. Что-то, наверняка, снова с ним приключилось.

– Должно быть, твоя жена не очень рада, что ты начал кланяться деньгам у знакомых. – все равно пожалев Шалыса, старался не выдавать себя.

– Да брось, все мы знаем, зачем они ему. Без него слишком много народу помрет с голоду. Посмотрим, как будет на этот раз. – спокойно подошел к нему вдруг Френтос, сунув ему в руку пятак рен, прижав их второй рукой, и отойдя обратно.

– Муки хотел купить, чтобы жена детям оладушков напекла. У Седого сегодня праздник – может и на варенье расщедрится. – покрутил пятак в руке он, с и вправду в меру счастливым лицом разглядывая его.

– Главное, самогона не проси. – цыкнул Таргот, явно все еще не веря в искренность его слов. Тем не менее, когда он повернулся в сторону леса и пошел дальше, выглядел он уже и вправду будто вдруг обиженный на себя. Пусть даже и совсем слегка.

– А у тебя точно вообще есть деньги, Чеисом? – вдруг решил спросить я нашего "работателя".

– А то! Экономил для семьи на себе самом. – усмехнулся он.

– И, видно, немало экономил. – потер уже уставший от ощущения его запаха нос Френтос.

"Чеисом..." – думал я. – "В детстве я уже слышал такое имя. Мама рассказывала о таком, из книги. Но в её рассказе Чеисом не был человеком – им был демон, сеющий смерть по всему миру. Надеюсь, все-таки, что это просто какой-то однофамилец. Хотя и существование Чеисома было ранее доказано Информаторами, хотя я и не совсем понял, кем он, на самом деле, был. Как ни странно, но этот НАШ Чеисом уж больно человечен, как бы это ни звучало. Так выглядит, будто это какой-то, очень хорошо выучивший свою роль, актер. Но нам он, я думаю, все равно не опасен. Нам троим."

До подножья Горы Геллара мы шли не больше минут пяти, и Чеисом только вечно подгонял нас рассуждениями о состоянии его семьи под завалами, о его друге, и о том, точно ли мы успеем еще им помочь. Он уже не на шутку разволновался, нервно чесался, часто дышал, и сам трясся с каждым ударом сердца, когда кровь подбегала к лицу, заставляя его все больше краснеть. Мы решили не ускоряться, поскольку Чеисом часто замедлялся до прежней скорости, и редко далеко отходил от нас вперед. Мы не говорили ему уже ничего, и не старались его успокаивать. Все мы, кроме, конечно, его самого, понимали, что если на человека упадет с горы валун, скорее всего спасти нам придется уже мокрое пятно от него. Возможно, только надежда на обратное и двигала теперь его дальше. Как бы невозможно это не было.

Рваные, уже темные облака бежали по небосводу быстро, все больше заставляя нас забыть о реальном времени. Без солнца стало темно, как поздним вечером, а холодный легкий ветерок только и усиливался с каждой секундой, все больше охлаждая и нас и окружающий нас воздух. Никто из нас не показывал, что ощущал на себе его дуновения, и лишь по себе я мог теперь судить, насколько холодно мне было. С другой стороны, ощущаемая мной прохлада явно была мне не столь страшна, сколь таковая Френтоса. Он ни движением не показывал, что замерз, но в его тряпье это было бы совершенно неудивительно. Он же и дал комментарий на эту тему первым, сказав "Холодно стало".

Ветерок тихо трепетал листья кленов и лип, даря появившейся мертвой тишине хоть какую-то жизнь. Не было ни птиц, ни кузнечиков или цикад. Лишь со стороны Кацеры изредка доносились едва слышимые крики жителей и работников торговых Краалий. Ветки закрывали нам небо, а сами мы двигались настолько однообразно, что скука с головой накрыла каждого, и каждый ушел уже глубоко в себя. Я все еще думал об этом Чеисоме, и конкретно его имени. Вполне возможно было, что старая Гора Геллара вдруг где-то обвалилась, и я уже раньше слышал, что бедняки собираются под ней, дабы хоть где, не в городе, гонимые стражниками, иметь доступ к его торговцам. Когда мы дошли до лестницы, ведущей как раз к Горе, Чеисом тяжело вздохнул и как-то исподлобья, будто презрительно, посмотрел на нас. Пока он сам этого не заметил, и не перевел взгляд на лестницу, мне даже показалось, что этот человек не по той

причине, что просить помощи больше ему было некого, а по какой-то другой причине искал и просил именно нас. Не было похоже, чтобы он обманывал нас по поводу своей беды, но, возможно, он испытывал неприязнь к нам просто со слухов. Люди частенько рассказывали о нас страшные и жестокие вещи, которых и в мыслях у нас никогда не было. Не зная нас, или зная лишь с мимолетных встреч, они и верили им на слово. Так и рождалась глупая, ничем не оправданная ненависть.

Возможно, задумавшись о том, настолько ли мы плохи, как говорят, Чеисом споткнулся, и едва не разбился об лестницу, которую бедняки, живущие под горой, с немалым трудом выдолбили прямо в камне, чтобы хоть как-то там встать лагерем. Френтос поддержал уже поехавшего ногой назад, потерявшего равновесие Чеисома, однако тот затем, как ни в чем ни бывало, с новыми силами, поскакал дальше. Высота была не столь большая, чтобы, открыто упав оттуда, разбиться в лепешку. Но чтобы сломать себе все до единой косточки, пролетев столько кубарем вниз, хватило бы наверняка.

Погода становилась все хуже и хуже. Вдалеке все громче раздавался гром, а из чернющих плотных туч выскальзывали довольно частые лиловые молнии. Ветер усиливался, неся в сторону Кацеры с востока настоящую бурю. На востоке и была Бездна Марконнор, причем, не особо далеко от нас. Однажды, через пару месяцев после пожара в Кацере, мы проходили довольно близко к ней, поднимаясь по горам. Что бы это ни было, выглядело оно как сплошной столб Черного Пламени, от одного лицезрения которого бросало в дрожь. Казалось, будто это Пламя не просто чье-либо окто, а самое настоящее, в прошлом, живое существо, ныне умершее, и готовое убить любого, кто его коснется. По сторонам еще тогда стояли различные посты и укрепления, каждый день достраиваемые войсками ирмийцев. Они всегда наотрез отказывались объяснять, зачем они собираются у Бездны Марконнор, и ни одна организация не готова об этом говорить. В последнее время баррикад по всей ее границе стало очень много, стало больше воинов, и командиры их стали куда серьезнее в лицах. Все мы настораживались этим как раз до тех пор, пока не начали вести дела с бандитами, и не решили, что это все, что бы это ни было, вообще не должно нас касаться. Все равно странно, что воинов там стало теперь так много, при такой организации, при которой на защищаемое ими государство не напал бы даже сам Вестник Революции. Вестника, к слову, и звали Гелларом.

На самой же его горе, Горе Геллара, так и не ясно с чего так названной, было, наверное, довольно просторно. Было, потому как теперь мелкое поселение неимущих оборванцев было целиком и полностью завалено. Груды камней, огромных и еще больше, лежали тут, на плоской площадке, так, будто складывали их друг на друга, по возрастанию с верха, специально в духе архитекторов времен до Великого Спуска. Уже готовый было крушить все вокруг Таргот, потянувшись своей ручищей за мечом Тоги, вдруг глянул куда-то в сторону, опустил руку, и широко раскрыл глаза. Мы посмотрели туда же, куда и он, хотя подобной реакции не ощутили. Не так же редко мы видим в жизни людей.

– Кайла? – спросил он, как оказалось, все это время стоявшую метрах в десяти от нас девушку в черном кожаном, странном и загадочном, костюме с капюшоном, чье лицо, из-за того же капюшона, разглядеть тогда было невозможно. Однако, что молода она и стройна, ясно было и по тому, как эта форма на ней держалась.

– Ммм... – тихо промычала, совсем чистым горловым голосом, задумчиво, опустив голову с закрытыми глазами, девушка.

– Таргот Кацера. – улыбнулся Френтос, глядя на Таргота. Не сложно было понять, о чем он вдруг подумал. Тем более, что и я, в принципе, подумал о том же.

– Что? Это ты-то Таргот? – удивленно приподняла голову и посмотрела на него девушка, моргнув изумрудными глазами.

– Ну... Последние лет двадцать три уже Таргот. – улыбнулся он. Редкий случай.

Девушка переступила с ноги на ногу, вставая в так и позволяющий ее сильный и грациозный стан позу, скрестила на груди руки и ухмыльнулась.

– Дааааа... Вот чего, чего, а тебя я здесь увидеть никак не ожидала! Да и говорили, вроде, что вы уже давно... ну... – замялась Кайла, вдруг потеряв слова, и явно еще стараясь их найти.

– Я всегда говорил – говорят, что кур доят! – мелькнуло в руках Френтоса Синее Пламя, быстро превратившись в его любимый молот Миклиар.

– Скажем так, нам удалось перехитрить Думу. – жестом придержал, уже готового уничтожать гору, Френтоса Таргот.

– Думу? Ну конечно... Как же без него... – мгновенно сменила лицо Кайла, вернувшись в предыдущую мрачную и задумчивую позу.

– Извините, но... – вдруг подскочил к Тарготу все еще взволнованный Чеисом.

– Да, мы помним. Кайла. Мы тут выполняем одну работенку, а потом собираемся в Ренбир. Не желаешь сходить с нами? Расскажешь, чем теперь живешь, мы расскажем о своем. – с уже добродушным лицом говорил Таргот, чуть отодвигая рукой Чеисома.

– Я тут, в общем-то, кое-кого ищу. – подозрительно глянула на Чеисома Кайла.

– И кого, если не секрет?

– Буквально минут двадцать назад где-то здесь я уловила появление очень жуткой внутренней силы. Но потом ее владелец будто пропал. Даже не ослабил внутреннюю ауру, как это делаю даже я, а именно пропал. Я сразу примчала сюда, и вот думаю теперь, что это было. Не знаю, почему меня это так зацепило...

– Так... когда мы здесь закончим... – обратил внимание на вдруг изменившийся, пусть и лишь на мгновение, взгляд Чеисома, Таргот. Смотрел Чеисом на Френтоса.

– Без проблем. Пойду с вами. Уж очень мне интересно послушать... как прошла ваша первая встреча с этим душегубом Думой. – улыбнулась Кайла.

Френтос времени даром не терял, и уже взял разбег. Кажется, итак все время сдерживавший скорость, он распирался энергией, а его внутренняя сила так и рвалась внутренней аурой наружу. На бегу он замахнулся, и со всей физической и внутренней силы ударил по тому, что тогда закрывало нам путь к лагерю бездомных. Пусть это и было слишком опасно, к удивлению и меня и Таргота, Чеисом молчал, вроде как будто что будет. Камень Сколы, из которого состояла эта уникальная гора, наверняка смог бы поглотить мое окто, или окто Таргота, но не окто Френтоса. Оно начало резко и с чудовищной силой притягивать его молот к камням, за счет чего удар был невероятно сокрушителен. Во все стороны полетели куски Сколы, и мы с Тарготом и Кайлой лишь прикрыли лицо. Удар молота снизу расколол нижний, самый большой камень, и разбросал в стороны камни выше. Стоящий за ними стеной гигантский валун, явно все еще являющийся частью самой горы, резко треснул от нового удара Френтоса, и под напором Миклиара должен был уже вот-вот сломаться. Таргот, заметив слишком подозрительное состояние горы, уже хотел попросить Френтоса пока остановиться, ведь крушили мы тогда явно уже саму гору. Что-то здесь явно было не чисто. Так подумал даже я. Но было уже поздно. От страшного удара Френтоса камень вдруг будто взорвался, вызвав при этом то, чего никто точно не ожидал. А ожидать того тогда и следовало.

Из камня, который только что разрушил Френтос, вдруг ударила по площадке чудовищно плотная внутренняя сила, принимающая вид Красного Пламени, мгновенно оглушив нас всех и сбив с ног. Часть горы разлетелась сразу, и ее верхушка ослепляюще засияла. Выходящая внутренняя сила настолько давила на окружение, что даже мы, одни из сильнейших октолимов Запада, чуть не потеряли сознание, итак с силой отброшенные в стороны, едва не слетев с самой горы. Внутренняя сила изнутри вдруг будто подхватила нас, и начала тянуть нас под завал, а не отталкивать нас подальше. Мы окончательно повалились с ног, еще пытавшиеся встать, не в состоянии сопротивляться силам горы, уже даже не чувствуя, как камень под нами теперь растирает нашу одежду, раздирая ее, с жаром быстро добираясь до тела. Нас, всех четверых,

начало валить камнями с горы выше, и мы уже даже не могли от них уклоняться от бессилия. Кайлу также подхватило вместе с нами, и только потому нас было четверо.

Последним, что я увидел, прежде, чем совсем потерять сознание от свалившегося мне на голову камня, был Чеисом. Он был уже совсем не тем, кем был минуту назад, и теперь это был седой старик, одетый в черную вуаль с плащом, жутко улыбающийся, показывая острые белоснежные зубы, выступающие в ужасной гримасе из-под тонких губ. Его ужасающая улыбка теперь провожала нас внутрь под гору, в Храм Актониса. Именно этого момента, чего мы тогда точно не знали, и ждал весь окружающий нас мир. Жизнь, которой мы ее знали, исчезла, уступив дорогу истине, так бережно от нас скрываемой, в которую лишь теперь приходилось окунуться нам. Седой старец, Бриз, Генерал Западных имтердов, прощается с нами, и качает головой.

– Последний раз я наблюдаю такую картину. Эпоха Грома подошла к концу. Скоро его достигнет и сам мир. Возможно...

Глава 2. Храм Актониса

– А они похожи, а?
– Кто? – прозвучал так и впивающимся в голову тяжелый злой голос.
– Этот тип, и Алиакиф.
– Росссе искал тело, которое было бы схоже с его предыдущим. В этом нет ничего удивительного.

– Я не искал никакого тела. Оно нашло меня само. – раздавался высокий насмешливый голос совсем рядом, будто из моих уст.

– Ну и ну. Может, расскажешь, какого было так провиниться перед Уиллекромми? – засмеялся совсем рядом явно безумец.

– Пока явно не так плачевно, как ты перед Римро.

– Он сам дал мне эту силу. Я получил достаточно за то, что ей владею.

– Хех. Да что ты можешь знать о Проклятьях? Их создали не Археи, не Лорд Винторис. Их создали мы, Клинки Власти.

– Чушь. – вдруг мгновенно поменял голос безумец.

– Скажи ему, Дума.

– У Черного Пламени нет никакого Проклятья.

– Ты проклят настолько, что не замечаешь его. Поэтому ты стал чудовищем.

– Пустая душа не в праве оскорблять того, кто прожил эту Эпоху своими силами. – хладнокровно проговорил Дума.

– Теперь от тебя этому миру нет толку, Росссе. – добавил безумец.

– Ты еще увидишь, каков от меня толк. Мы еще поговорим. Однажды. Если ты не умрешь раньше! – разрывая голову изнутри, раздавался в ней тот же безумный смех.

"Хватит! Прочь из моей головы!" – взялся за голову я. Челюсть уже трещала, а скулы горели. Вся голова будто залилась тупой, жгучей болью. Она, помимо того, была еще и мокрой. Тягучая жижа склеила волосы словно клей, поэтому было совсем не сложно понять, что с моей головой сделал упавший, почти что с неба, камень. Помимо головы, неприятной, но уже не столь сильной, болью отдавались и конечности, поверхность которых была стерта, когда неведомая сила тащила меня по земле, и протерлись даже штаны. Но не только боль и заботы об одежде в тот момент привлекали мое внимание. Я очнулся. Вспомнил, где я находился, и как я туда попал. Я снова забыл каждое слово, которое мне явно мерещилось. Должно быть, это был лишь очередной кошмар. Как жаль, что настоящий кошмар, то, что происходило теперь наяву, мне вовсе не мерещилось.

Если в этом самом месте, в котором я оказался, и вправду когда-то разбили лагерь бедняки, то, наверняка, тут и помимо камней, которых тут было навалом, было чего опасаться. Достаточно было обо что-нибудь пораниться, чтобы обзавестись целым спектром заболеваний, исходящих из заражения крови. Ржавые острые предметы наверняка могли оказаться теперь где угодно, ведь поговаривали же, что угнетенные бедняки умеют тыкать иголками в тряпичные куклы, в которые вшиты волосы каких-либо графов, герцогов и им подобных, причиняя, таким образом, боль и всем перечисленным возможным владельцам тех волос. Не представляю, как это может работать, и где они эти волосы вообще могут брать, но слухи есть слухи. Хотя и не помню, чтобы мне, графскому сыну, куда-то чем-то тыкали. Как бы это не звучало, я говорю по теме.

Но я так и не узнал, какие предметы могли причинить мне вред в этом злополучном месте, и все потому, что их было совсем не видно. Тьма была такая, что хоть глаз выколи, но мне, почему-то, не хотелось жить с одним глазом, как капитан Синих Попугаев Картофель.

Я хотел использовать окто, чтобы осветить помещение, но ничего я этим так и не добился. Что-то мне в этом сильно мешало.

Однако же и опасаться внутри оказалось нечего. Через неполные две минуты блужданий во тьме, при этом ни разу не натолкнувшись ни на что другое, кроме камней, я наткнулся на стену. Вернее, это была не стена, а ворота. Огромные, тяжеленные, цельнолитые металлические ворота. Как ни странно, они были горячими на ощупь, хотя ни с моей стороны, ни с обратной их стороны, ни капли тепло не было. Открывать их тоже не пришлось, ибо я упёрся в дверь уже открытых ворот. Особо не размышляя, я предположил, что через эти ворота прошли Френтос, Таргот, и, возможно, та знакомая Таргота, потому, как только они могли бы сдвинуть их с места, и то приложив к этому немало усилий. Мне же достаточно было обойти дверь сбоку, ориентируясь по ручке, и войти внутрь. Явно не порадовал меня тот факт, что и внутри света не было тоже. Осветить проход я тоже все еще не мог.

Внутренняя сила, по какой-то причине, колебалась, и смешивалась с чужой, инородной силой. Она была при мне, но я так и не мог использовать окто. Моя внутренняя аура не давала мне возможности даже покрыть самого себя светом окто, и совсем не источала внутренней силы. Чтобы материализовать внутреннюю силу, собственно, используя окто, октолим должен менять вид конкретно своей внутренней силы. Мы могли направлять ее, выпускать ее поток во врага, и затем материализовывать, или же материализовывать, что тратило меньше сил, прямо у себя в руках. Чем сильнее поток внутренней силы, тем интенсивнее она будет материализовываться. Чаще всего, чужая внутренняя сила, даже не материализованная, нам в этом и мешает. Сражаться с другими октолимами или ардами нам тяжелее, чем с простыми людьми. Наверное, поэтому знаменитый Легион Последнего Часа так и пугает октолимов, еще не нашедших себе место среди "разрешенных". В Совете Октолимов самих октолимов и разбивают на разные категории и ранги. Нас в учете октолимов там регистрировал Таргот, причем в тайне от нас. Он любит водить дела на стороне, не говоря о них нам. А ведь и мне, и Френтосу, было бы интересно узнать, какие ранги могли присвоить нам троим. Внутренней силы у нас было, думаю, достаточно и для ранга не ниже 7 из 10. Скорее всего, и выше.

Представить страшно, сколько внутренней силы поглотила гора, состоящая из камня Сколы, за время существования этого строения. Из-за того, что она не была подвержена никакой коррозии, гора из нее могла стоять на своем месте уже не одно столетие. Она является настолько необычным веществом, что её изучению посвящали целые книги. В твёрдом виде она поглощает внутреннюю силу, а некоторые ее виды, за счет нее, даже разрастаются. В жидком, по своим свойствам она схожа с цементом, пускай и смертельно опасным ввиду своих испарений. В газообразном же виде она является опаснейшим ядом, на всю жизнь отравляющим живых существ. На севере есть даже целые озера жидкой Сколы. Она была бы довольно ценна, если бы не ее испарения, появляющиеся только при переходе Сколы из жидкой формы в твердую, что еще больше ломает все теории ученых. При каких условиях она принимает твердую форму также неизвестно. До сих пор в мире существует лишь с десяток настоящих мастеров, способных использовать ее в различных изделиях. Оружие из Сколы и вовсе считается чем-то невероятным, и невероятно опасным, ввиду того, в основном, что оно может рассеивать окто. И, чаще всего, такое оружие делали из костей драконов, самих по себе состоящих из Сколы. Да, как в Песни о Кирке Драконоборце.

Пока я размышлял о строении горы, я совсем забыл про окружающую меня обстановку. Темнота внутри была ничем не хуже, чем темнота снаружи, и здесь эхом по коридору раздавались неизвестные мне, далекие и тяжело различимые звуки, больше похожие на то, что глубоко внутри что-то тащили. Возможно, это были Френтос, и Таргот со своей подругой, но рисковать мне не хотелось. Если эти двое или трое тащили что-то, то наверняка, помимо меня, привлекли и внимание возможных хозяев строения, если они есть. Если же тащили их... что ж, звук был бы совсем иным. Причиной, почему они могли пойти вперед без меня, наверняка

стала темнота, и они наверняка окликнули меня, прежде чем идти внутрь. Но я не отвечал, а они не видели меня – я был без сознания, пускай и явно недолго. Кровь на моих волосах в месте ушиба была еще влажной. Они могли пойти внутрь и потому, что ворота были уже открыты, а я мог уже уйти вперед. Догадок было много, но, по сути, что-то предполагать сейчас было бессмысленно. Я не наткнулся на них ногами, пока блуждал снаружи, так что больше предполагать ничего смысла и не было – ушли, и ладно.

Даже странно, что в том камнепаде я пострадал не так серьезно, как вполне мог. Это было очень странно, ведь, учитывая высоту падения и массу Сколы, даже размером с молодое яблоко куска Сколы хватило бы, чтобы расколоть мне голову как тухлый арбуз. Я и не думал тогда, что братьев могло также завалить камнями, хотя вполне мог такое предположить. К счастью, такая мысль меня просто не посещала.

Почти что наугад я шел вперед, в тьму. Глаза легко привыкли к ней, но и видеть там было, должно быть, особо нечего. К сожалению, и самих глаз я мог так скоро лишиться. Столкновения с подсвечниками, приколотыми... – да, – приколотыми к стенам, также никто не отмечал. Своей собственной, ничем не защищенной от них, головой, я и понимал, что это именно подсвечники. Не держатели кристаллов Зоота, или факелов, что тоже странно, но, к счастью, они были достаточно высоко, и поэтому я особо не тёрся о них. Другое же дело столы, стулья и некая другая мебель, неизвестным образом попавшая в коридоры. На столах изредка позвякивала от касания пустая посуда. Хотел я тогда немного поесть, поскольку ранее за день так этого и не делал, но боль в голове, и местах, в которых была почти до мяса содрана кожа, никак не позволяла мне останавливаться, а только и подгоняла меня вперёд, в тьму. Я всегда мог утолить голод чем угодно, что попадется мне по пути. Октолимы могут восстанавливать внутреннюю силу любыми ресурсами тела, преобразуя их, также не совсем ясным мне образом, из «материала» (Гармонийного Красного Пламени), во внутреннюю силу (Гармонийное Зеленое Пламя), даже, если есть опилки, залитые водой из лужи. Это было нам не так опасно, с нашей то внутренней силой, и объемом содержащей ее Белой Души. Хотя иногда от вкуса подобного могло и стошнить, да и не хотел я тогда о опилках с водой думать, поскольку не настолько был тогда голоден. Я должен был идти вперед. И шел я до тех пор, пока не попал в единственную, наверное, во всем здании, освещенную комнату. По крайней мере из тех, на которые я наткнулся – остальные я мог не заметить просто ввиду того, что в окружающей тьме они ничем не отличались от стен коридора.

Внутри, в небольшой квадратной комнате, теплый в окружающем холоде свет давал камин, в котором потрескивали еще явно недавно подброшенные туда бревна. Сама же комната уже не была сплошь завалена столами, как коридор, и их там было всего два. Они стояли прямо в центре, но вряд ли изначально и должны были там располагаться. Кто-то явно искал пищу здесь, и я очень сомневаюсь, что этим кем-то был какой-либо обыкновенный вор. Окружающая обстановка не говорила о том, что здание уже очень давно находится в запустении, и нигде в комнате паутина еще не серебрилась. Пыли на окружающих предметах также почти не было. Кажется, будто еще совсем недавно здесь, пусть даже и кто-то светонелюбивый, жил. Я уже мог сделать вывод о немалых размерах здания, но все еще не понимал его строения. Длинный коридор наверняка должен был вести в какую-либо прихожую, и я уже наверняка как раз до нее добрался. Но коридор, для этого, можно было сделать и поменьше.

Также, в комнате был и диван, на котором сидел Френтос. В окружающей темноте, со спины освещаемый светом камина, он выглядел довольно жутко, у него было задумчивое и сосредоточенное лицо, которое, если честно, лицезреть у него можно было крайне редко. Он смотрел на левую от меня дверь комнаты. Всего в комнате было три двери, и смотрел он туда будто бы с опасением. Не было видно, чтобы Френтос, как и я, пострадал, когда попал сюда, и камин недостаточно освещал его тело и его одежду. Я был рад, что брат цел и, наверное, невредим, но не мог рисковать. С разбитой головой, в случае чего, особо не повоюешь, тем

более, с одним только моим мечем. Стоило перестраховаться. Я не мог определить внутренней силы Френтоса из-за той самой чужой силы, что меня окружала, и тем человеком в комнате вполне мог оказаться не он. Тем более, что тот, кто привел нас сюда ранее, тем, за кого себя выдавал, не являлся точно, и в нашем сумасшедшем мире, со всем его разнообразием окто, ожидать можно было чего угодно, и мимикрии тоже.

Пока Френтос облокотился рукой о угол дивана, прижав кулак ее к подбородку и прищутив закрытые в задумчивой гримасе глаза, я тихонько прошмыгнул мимо столов, еще раз убедившись, глядя из-за них, что брат не смотрит в мою сторону, и прошел за диван. Но тихо подобраться к Френтосу из-за него, как и ожидалось, у меня не получилось, хотя я и очень старался. Он быстро повернул голову в мою сторону, испуганно отскочив от дивана назад, врезавшись спиной в стол, молниеносно залез на него, и выставил руки, будто готовясь к сражению, все еще трясаясь от испуга.

– Тихо, тихо! Это я, Соккон! – решил я поскорее его уgomонить, резко поднявшись из-за дивана.

Френтоса, что было видно сразу, все равно немного трясло, но вряд ли он был напуган именно моим внезапным появлением в поле его видимости. В глазах его, почему-то влажных, с едва видимыми в свете камина зрачками, явно читалось нечто большее. Ртом, будто рыба, он с трудом собирал воздух, и выдыхал его не менее тяжело. Если мы оба в тот момент не могли использовать окто, любой, кто это делать все еще мог, был бы для нас погибелью, и Френтос это, однозначно, прекрасно понимал.

– Где Таргот и его подружка? – решил сразу поинтересоваться я, тем самым повторив попытку привести брата в чувства.

– Ушли... пошли осмотреться. – сглотнув, казалось, все-таки чуть успокоился Френтос.

– Вдвоем? И ты его с ней пустил? – вдруг почувствовал некий подвох я.

– А что не так? Они, вроде, знакомы. А Таргот с людьми просто так не знакомится. Особенно – с девушками. – принял более обыкновенный вид и сел на угол стола Френтос.

– Шутки про Таргота, конечно. Но сейчас стоило бы подумать, в первую очередь, о том, в какую жопу нас занесло. – обошел диван, и сел на него поближе к Френтосу я.

– Цитирую Таргота... – вздохнул он, чуть тряхнув головой. – Не помню, как он там сказал, но суть была в том, что сегодня мы запустили конец света.

Я удивленно приподнял голову, глядя на него, но он был и вправду серьезен как никогда. Всем своим видом он так и говорил, что его это очень волнует, и смотрел он на меня явно ожидая моих мыслей по этому поводу, будто ему самому хотелось теперь еще немного прийти в себя, разговаривая со мной, ощущая хоть чье-то присутствие рядом. Просидел он один явно долго.

– Ну... Мы, конечно, попали серьезно... Но, видимо, по мнению Таргота, все еще хуже. – все еще глядел на ничуть не меняющееся его лицо, ожидая хоть каких-то подробностей, я.

– Он сказал, что это здание может быть как-то связано с имтердами, о которых рассказывают Информаторы. То есть, не с теми, с которыми люди когда-то воевали, а с какими-то покруче. Остается только надеяться, что это и вправду все только сказки.

"Это нехорошо..." – думал я. "Среди тех "высших" имтердов, по словам Информаторов, были существа ничуть не слабее того же Хемирнира, существование которого скрыть уже точно невозможно ни одному правителю."

– Надеюсь, он сделал такой вывод не с бухты-барахты? – сказал я.

– В какие бухты его порой несет, я не знаю. Но он в этом был более чем уверен. Я бы не хотел в это верить, но от слов Таргота все равно уже не по себе. Одному тут сидеть тоже было напряжно.

– Вы не видели здесь никого, кроме меня?

Френтос вдруг резко поднял указательный палец правой руки, и, не менее резко повернувшись головой влево, замолчал. Как оказалось, не зря ранее он наблюдал за той самой, теперь правой от меня дверью в нашей комнате. По коридору с той стороны, со стороны открытой двери, начали разноситься тяжелые шаги, явно перебивающие собой другие, более легкие и тихие. Френтос так шустро рванул в мою сторону, и заскочил за диван, что и меня самого едва не сбил с ног, когда я на них встал. Видимо, он и вправду был напряжен до предела. Раньше паника не была ему присуща. Что же могло измениться всего за... А сколько времени я вообще пролежал? Я рванул за диван вслед за ним.

– ...это все не просто совпадения, Кайла. – говорил все время быстро приближающийся, становящийся все громче, голос Таргота.

– Если это чудовище виновато в том, что нас сюда занесло... – с той же скоростью приближался обозленный голос Кайлы.

– Поверь, я когда-то тоже искал его. Но здравый смысл восторжествовал.

– Кто? Ты же знаешь, что люди думают о таких как мы? И я так думаю. Здравый смысл нам не помощник.

– Может, я бы и стал мстить, – уже громче, растягивая слова, отвечал он. – но даже сейчас наших сил вряд ли бы хватило... – остановился он прямо в дверях, оборвав предложение на слове "ло".

– Твоего брата одного оставлять, все-таки, не следовало. – вызывая тихий звон, потянулась рукой за спину, медленно вытаскивая из ножен меч, Кайла.

– Смотри, о каком брате ты говоришь. – спокойно поднялся из-за дивана я, опираясь о его спинку рукой.

– Тем более, мы ведь здесь не одни, да? – поднялся вслед за мной Френтос.

– Нет. И я как раз собирался рассказать, как все прошло. – ничуть не удивившись моему появлению, подошел к дивану Таргот. По нему теперь даже нельзя было сказать, что наше появление его хоть каплю успокоило, да и что он о нас волновался вообще.

– Чего там собираться? Рассказывай давай. – сел обратно на один из еще стоящих в комнате столов Френтос.

– погоди минутку. У тебя, Соккон, тоже проблемы с окто?

– Думаю, если бы их не было, он бы не ходил с разбитой головой. – ответил за меня Френтос.

– Это плохо. Весьма и весьма... – тяжело вздохнул Таргот, явно желая использовать слово заменитель на более грубом человеческом языке. Проще говоря, на мат.

– Ну да. Френтос говорил о имтердах. – вспомнил я.

– Не знаю, возможно ли это... Но если это место принадлежит им, то мы попали даже крупнее, чем когда-либо раньше.

– Они, разве, не вымерли? То есть, хотя бы по версии Информаторов.

– Они... вроде как исчезли, как испарились. А в этом здании, к слову, мы как минимум не одни.

– Кого еще вы видели?

– Мы с Кайлой оставили Френтоса здесь, а сами пошли разведывать обстановку. Мы пока не нашли, как выбраться отсюда, не ломаясь через те каменные завалы, но уже наткнулись на тех, кто, скорее всего, этим зданием и владеет.

– Ну нет... Только не говори, что это и вправду имтерды.

– Это и вправду были они... – вздохнул он.

– Таааааак... Сколько их вы видели?

– Четверых. Причем один из них был в весьма дурном состоянии. Едва дышал. Кажется, они все совсем недавно с кем-то сражались.

– Они вас видели?

- Нет. Вряд ли мы бы так просто сюда вернулись, если бы столкнулись с ними.
- А тот, которого мы назвали Вестником Революции? – вдруг спросил Френтос.
- Было слишком темно, чтобы говорить точно.

– Вестник Революции? С чего бы вдруг? – не понял я. Как я и не понял того, как в такой тьме они вообще кого-то разглядели, даже если неточно. Может быть, дальше в здании было уже светлее?

– Он был на него похож, я думаю. Да и учитывая все ныне произошедшее, даже появление здесь ЕГО меня бы уже не удивило. Даже если кто-то еще считает, что он мертв.

– Кстати. Когда вы шли сюда с Кайлой, вы не о Думе ли говорили?

– Я прибежала к горе, когда почувствовала на ней его внутреннюю силу. – зло прикрыла веки Кайла. – Я ни с чем ее не спутаю.

– А еще тот, кто привел нас сюда, после того, как Френтос «сломал» гору, превратился в кого-то другого. – уже спокойнее, будто мир и вправду вдруг перевернулся с ног на голову, проговорил я.

– Ну вот, пожалуйста. Какая бы чертовщина тут не творилась, одно ясно как день – кто-то использовал нас. И, возможно, тот, кто это сделал, и сейчас здесь, но мы не узнаем этого, пока внутренняя сила здесь не перестанет колебаться. Только тогда мы сможем сразу понять, с кем нас здесь заперла наша невнимательность.

– Как жаль, что ваша невнимательность и меня втянула во все это. Но что ж поделать, по крайней мере, вместе с вами умирать будет веселее. – покачала головой, качая под капюшоном косичками, Кайла.

– Я помирать пока не собирался. Если мы не можем использовать окто, эти черти, думаю, не в лучшем положении. – ухмыльнулся Френтос.

– Скажешь это тому типу, которого мы с Кайлой видели в саду на дереве. Он как минимум раза в три был больше тебя. – все внимательнее наблюдал за дверьми нашей комнаты Таргот. Выглядел он крайне встревоженно, что также обычно не было ему свойственно, и, должно быть, виной тому были его знания о имтердах. Больше всего он боялся как раз того, что это и могли быть они. Пока, ведь, это еще не было подтверждено наверняка. Пусть даже и других вариантов, по сути, не было, и весь мир итак не сомневался в их существовании в прошлом. Хотя и мало кто был в курсе, кем были их командиры, Военачальники и Генералы имтердов, и чем они, все, кроме Хемирнира, на самом деле занимались. Ясно было одно – они были настоящим злом для нашей расы, и их существование от людей наверняка скрывают не зря.

Мы все замолчали и прислушались, и, как оказалось, очень вовремя. Почти те же звуки, снова, но уже из параллельной двери комнаты.

– Сюда идут. Тихо прячемся за дверьми, чтобы за каждой дверью было по человеку. Думаю, вы меня поняли, потому, что нас тут как раз четверо. Смотрим в щелки. – скомандовал Таргот, сам без команды тихо перебегая за одну из дверей, ранее левую от меня. Френтос ушел туда же, а мы с Кайлой остались за дверьми с той стороны, откуда я ранее пришел. Мы оба, даже, сразу поняли, за какую именно дверь каждый из нас хочет.

Шаги становились все громче, а эхо от них все больше неприятно било по голове. Из правых от нас с Кайлой дверей тихо и неторопливо вышли два «имтерда», один держа руки скрещенными за спиной, а другая низко опустив голову и руки, едва не столкнувшись так со столом. Так же тихо и медленно они по очереди сели на диван. Ими были светловолосый мужчина в шляпе, и светловолосая девушка в багровой форме очень необычного, по крайней мере для имтерда, вида.

Блондин устроился на диване довольно скромно, и при этом постоянно вздыхал, сложив длинные тонкие руки на колени. Он был довольно худ, но при этом невероятно высок. Его длинные прямые, чистые и послушные светлые волосы чуть не доходили до места, на котором он сидел. Длинный желтый жилет, кремового цвета рубашка под ним, белые ткане-

вые штаны, высокие кожаные белые сапоги, белые перчатки, и та самая небольшая желтая шляпа с загнутыми краями и густым розовым оперением. Внешне, настоящий джентльмен, член высших сословий, благородный и величественный. Но не человек. Это было ясно сразу. В первую очередь, наверное, благодаря нездорово бледно-белому цвету кожи, вообще человеку не свойственному, огромному росту и едва промелькивающим за тонкими почти бесцветными губами острыми маленькими зубами. Его лицо было чистым и сухим, молодым и гладким как у ребенка. Глаза едва были видны за бровями, совсем маленькие и глубоко запавшие, совершенно не освещаемые из-за закрывающих путь света от камина к ним густых волос. Что-то печальное, грустное и одинокое читалось в его лице тогда, будто в этом тогда и была вся его жизнь. Только это и выражало тогда оно. И жизни в этом лице не было больше никакой.

Девушка же, сидевшая с ним, была раза в три меньше блондина. Наверняка, она была даже ниже моей младшей сестры Лилики, и, как и Лилика, эта девушка выглядела еще совсем молодо и по-детски безобидно. Ее маленький гладкий носик, ее большие, глубокие и голубые, словно бескрайнее море, глаза, прелестные губы и бархатные волнистые светлые волосы – все то, что останавливало на себе глаз, закрывая почти все остальное, не менее безжизненное, чем у ее спутника, лицо. Она смотрела куда-то вперед, в пол, но сама прижималась спиной к спинке дивана. Что-то очень необычное, сильное и ловкое было в каждом изгибе ее маленького, стройного, прекрасного тела. Явно также нечеловеческого по многим признакам. Только ее форма меня и настораживала. Вряд ли среди имтердов, даже столетия назад, были пираты, но ее форма, даже с очень оригинальным головным убором, на форму некоторых широко известных капитанов пиратов походила точь-в-точь. Также, у девушки уши на человеческие похожи не были совсем. Они были и длиннее, и имели некоторое оперение, и в тот самый момент они были «грустно» опущены, пусть и сама девушка не показывала такой уж печали. В ее лице, скорее, застыла больше усталость, чем грусть.

– Дикари. Чуть нас всех не поубивали. – вдруг заговорил, не поднимая голову, а так и глядя на свои колени, блондин.

– Военачальники оклемаются? – так и смотря в пол, будто в трансе, спросила девушка.

Я крепче, зло напрягая лицо, сжал зубы. "Военачальники имтердов?" – думал я. "Нет, да вы шутите."

– Я видел лишь Бетоуэта, он точно оклемается. По крайней мере, я на это надеюсь. Он всегда был сильным, и такого, как он, так просто, лишив сил, не убьешь. Другой вопрос, что стало с Гелларом и Вордилионом? Я не видел их, когда очнулся.

– Понимаю, вам, наверное, не хочется об этом говорить... – прикрыла глаза девушка.

– Я не знаю. Не знаю уже этих двоих. Ни Вордилиона, ни Геллара. И я уже не исключаю версии, что даже они бы могли это все подстроить.

– Как и в Храме Вордилиона? – посмотрела на блондина она.

– Я с самого начала знал, что за этим стоит не Нис, и то чудовище, которые мы встретили там... Я чувствовал его, когда мы входили сюда, в Храм Актониса. Я думал, что и другие его чувствуют... но никто даже и слова не сказал. И вот, конечно, оно нас чуть не поубивало. – откинулся назад, скрестив руки на груди, блондин.

– Геллар ведь сказал, что это чудовище создал Нис.

– Только оно же его и убило. Да, это был хороший ход, чтобы подготовить нас всех к перемене власти. Я помню, как они, Геллар с Бризом, стояли у Резиденции Верховного Властителя, якобы вежливо преклоняясь перед Ширавой. Она была все еще напугана происходящим, а загадочные улыбки этих двоих наверняка еще больше ее смутили. Лично я всегда винил, и буду винить в произошедшем тогда именно их, и мне кажется, именно Геллар выпустил того монстра, чтобы он уничтожил нас, и тогда, и сейчас. А Бриз ему только и помогал. Как же мне всегда не нравилась эта компания из Геллара, Бриза и Совенрара. Не побоюсь этого выражения, Бетоуэт сказал правильно – три дебила. По крайней мере, мы с тобой сейчас, наверное,

единственные, кто еще может держаться здесь друг за друга. Остальные уже, кажется, плюнули на всех, кроме себя самих.

Наступила тишина, но никто из нас все еще не шевелился. Внутренняя сила, пусть и на очень малое расстояние, уже могла выпускаться по нашей воле. Она могла частично проталкиваться вокруг еще относительно плотной чужой силы, и мы очень надеялись, что те двое имтердов уйдут из комнаты раньше, чем их внутренняя сила дотянется до нас. О чем бы они не говорили, сталкиваться с ними в случайном бою не хотел явно никто из нас. Тем более учитывая, насколько огромный и страшный меч, дьявольски переливающийся будто кровью, украшал спину девушки-имтерда. У блондина на боку едва виднелись ножны с рукоятью рапиры.

– Так... что мы будем делать? – наконец чуть повернулась в сторону блондина девушка.

– Не хочу и более минуты оставаться с этими сумасшедшими. – задумчиво и зло шурил белые, будто слепые, глаза, блондин. – Но во всем этом еще нужно разобраться, и я бы очень хотел выяснить, почему все вокруг нас вдруг разрушилось.

– Должно быть, виной всему ваша самооценка. – вдруг, почти рыча, перепугав своим появлением даже тех двоих в комнате, проговорило что-то новое. Что-то, что как раз прошло меж нас с Кайлой, и чего наша внутренняя аура едва не коснулась.

Доверия это существо не внушало совсем. Подобная дикому зверю, скорее медведю, морда, и полный острых зубов рот. Фактически, прямая копия Монстэру-охотников, однако с более человеческими чертами, вроде более или менее обычных рук и ног. Довольно крупный монстр, рыжий, мохнатый как собака, и при том довольно высокий. Невероятно красивая опалирующая броня, будто звездное небо, и толстый двусторонний топор на плече. Внешность под броней остается под вопросом. Наверное, и так он выглядел совсем дико, и морда его была просто бешеной. Еще совсем недавно он, если подумать над словами Таргота, мог участвовать в какой-то серьезной схватке, так что не удивительно, что у него теперь так страшно тряслись руки. Даже я, что мне приходилось слышать самому, знал, кем могло быть это чудовище. Очень многие люди, еще хоть немного знавшие историю мира по версии Информаторов, равняли его с Совенраром, как одним из страшнейших командиров имтердов. Им и был Генерал Восточных имтердов Самум. Неудивительно, что благодаря таким, как он, о них, командирах имтердов, было решено никогда больше не упоминать после их исчезновения.

– Самум... – зло прищурил глаза блондин.

– То, что здесь произошло, провернули люди! Как и всегда. И вы еще говорите о мире? Будете их защищать? Вы даже не стесняетесь, теперь, постоянно говорить на их языке. – резко оттолкнул ногой, с невероятной силой, столы к правой от нас стене Самум. Те едва не перевернулись, лишь громко ударившись о стену, и уронив с себя мигом разбившуюся часть о стену, часть о пол, посуду.

– Пока ни ты, ни мы, в ситуации не разобрались. Не нужно судить о произошедшем лишь по тому...

– Тот, с кем мы сражались, использовал Первородное Окто. И это был Архей людей. Точнее, когда-то был. И он был предателем! Кортъ, если вы его еще помните. – уперся на поставленный со звоном на пол топор Самум.

– Я помню. Но Кортъ был и имтердом. Не знаю, как такое возможно, но уже это, как минимум, говорит о том, что не только люди могли стоять за этим.

– Ха! Что за нелепые предположения? Да вы просто отказываетесь взглянуть правде в глаза! – широко раскрыл рот, блеснув отражаемым от зубов нескольких своих челюстей, светом камина, в подобии улыбки, Самум.

– Ты не знаешь правды, Самум, поэтому лучше не говори того, что твой залитый кровью и чужими страданиями мозг себе напридумывал. – вдруг довольно быстро поднялся с места блондин, злобно и серьезно, почти вплотную, взглянув в глаза Самуму.

– Никто, кроме отца, не имеет право затыкать меня. – злобно раскрыв звериные, с кошачьими зрачками зеленые глазища, едва не вплотную смотрел на блондина Самум. – Я говорю то, что на самом деле вижу, и чего ваш миролюбивый мозг понять не в силах. О войне, предательстве, и жажде власти над миром, которой каждый человек и дышит! Как и Клинки Власти. Они жаждут лишь уничтожить то, что они сами и создали! Помнишь? Доран был здесь! Арконнор был здесь! Все они пришли, чтобы забрать этот мир себе, убив его создателя! Не сомневаюсь, что Кортъ пришел сюда за тем же.

– Шираву создала прекрасную расу, и установила мир среди всех нас. И Совенрар это все разрушил. Не только люди совершают ошибки. И я не верю в расы. – чуть отступил назад блондин.

– Это лишь потому, что благодаря Совенрару вы с Муссон остались в меньшинстве. Вы даже не пытались войти в ситуацию, как это сделал Бетоуэт. А ведь ты знаешь, он любил Шираву.

– Вспоминая его детей, мне только больше кажется, что я совсем перестал понимать его семейку. – сел обратно на свое место блондин.

– Хххххх. А ты что скажешь? – зло прохрипев, уже более спокойно, будто на что-то вдруг понадеявшись, посмотрел Самум на девушку.

Но она на Самума даже не взглянула. Взгляд ее, будто нарочно, был теперь устремлен в сторону блондина, пусть тот и смотрел теперь куда-то в сторону. Самум, постояв на месте в тишине еще секунд 10, теперь лишь прыснул и крепче сжал зубы.

– Да что с вами двумя произошло!? Я помню времена, когда восторгался вашим рвением, желанием отплатить людям сполна за то, что они выпустили того монстра против нас! За то, что они восстали против того, кто дал им жизнь. Тогда мы с Муссон в одиночку разрывали полчища врагов нашего прародителя. Я ведь помню, что ты тоже поддержала Совенрара. – почти растерянно, удивленно и злобно кричал он.

– Это в прошлом. Я была глупа. – не меняя лица, но уже глянув на Самума, тихо проговорила Муссон.

– Ты была сильна, смела и решительна! А ты, Алиакиф?! Что стало с тобой?! Ты всегда был выше их всех, ты был сильнее и умнее Ниса, и он сам признал, что не сумеет с тобой тягаться! В открытом противостоянии ты стер бы его в порошок!

– Должно быть, и я не без греха. Я не знаю, кем я был тогда. И очень этому рад. – хладнокровно покачал головой Алиакиф.

– Всего мгновение, и вас будто мирный жук укусил. Для вас весь мир стал белым и пушистым.

– О да, я помню, что о тебе говорил отец. Может быть, ты и был создан лишь для того, чтобы защищать его от всего что он создал, и чего он сам теперь боится?

– Если в этом мое призвание, я буду вечно исполнять его волю. Я благодарен ему за ту жизнь, которую он мне даровал, и готов посвятить ее ему.

– Пока тебя не объяло какое-то животное бешенство, единственное, что мне могло показаться светом в твоей жизни – отношения с Муссон. Но она назвала тебя никчемным и тупым, и отказалась с тобой общаться. Так ведь?

– Да... Именно таким ты мне тогда и запомнился. Вечно надо всеми смеешься.

– Эту историю Муся рассказывала мне сама. Я сам этого не помню.

– Мммм...Хватит! Я закончу говорить о том, с чего начал. Неспособность постоять за себя и за свою расу – обыкновенная слабость! Вы слабы, и потому не хотите меня слушать! – сокрушительно топнув правой ногой, от чего затряслись даже стены вокруг, страшно зарычал Самум.

На мгновение я даже забыл, как внутренняя аура вдруг начала быстро расти, и не успел вовремя сдержать ее. Моя внутренняя сила коснулась ЕГО, и он резко обернулся, скорчив при

этом самую страшную и бешеную гримасу, когда-либо виденную мной. Свет отразился от его глаз гневным пламенем, а чудовищные скулы его уже едва их не закрыли. Его челюсти одним своим видом уже заставляли меня представлять, как зубы его перемалывают мои кости. Он вытянул топор правой рукой в сторону, где и был я.

– Вот же! Даже сейчас они следят за нами! Нагло и подло. Я покажу вам двоим, как вам стоит делать! – гневно обернулся к Алиакифу и Муссон он. – Как вы должны... Убивать людей!!! – почти оглушающе крикнул он, быстро взяв топор в обе руки, выставив левую ногу для рывка в мою сторону назад.

Нет, мое сердце не остановилось, и даже не ушло в пятки, и, на самом деле, я редко боялся ввязываться в какие угодно драки. Пусть даже и после тех последних слов Самума уверенность в себе меня и на мгновение покинула. Как-никак, а это был Генерал имтердов. Пусть я тогда и не совсем понимал, что это значит, но уже само слово «Генерал» говорило мне о немалом боевом опыте противника. Тем более, что я хотя бы знал, как люди в прошлом его боялись и ненавидели. Песчаная Буря Самум, одним своим появлением на поле боя вынуждавший все стороны отступить.

Явно не услышанный Самумом из-за его же рева Френтос вдруг выскочил из-за своей двери, наверняка перепугав своими действиями сидевшего по соседству Таргота. Мысль о предстоящей мне опасности наверняка заставила его встрепенуться, и о силе Самума, из нас троих братьев, наверняка не знал лишь он. Тем не менее, мгновенный выпад, за счет окто, в сторону Самума, Френтосу не удался. Алиакиф, явно не желая ввязываться в драку, быстро подскочив к своей спутнице, обнял ее, и вместе с ней будто пропал во вспышке света окто. Для меня теперь мир будто на секунду остановился – наверняка тяжелейший в нашей жизни бой теперь начался.

И это была ошибка. Летевший на Самума справа молот Френтоса он ловко парировал, демонстрируя нечеловеческую реакцию, навершием топора, а затем нанес молниеносный удар самым топором снизу, на одной ноге развернувшись в сторону. Френтос успел вовремя чуть оттолкнуть себя назад с помощью окто, однако топор Самума, по какой-то причине, многократно увеличил скорость удара от его начала к концу. Кончик топора разрубил и без того разорванную куртку Френтоса, вместе с лоскутиком кожи от живота к груди. Сама же грудь пострадала больше, и на оружие Самума брызнула кровь. При виде этого я ужаснулся. «Неужели что-то смогло ранить Френтоса?» – думал я. С его то окто...

Он отскочил от разъяренного чудовища, уже бросившегося за ним, и принялся блокировать его дальнейшие атаки, которые Самум наносил быстро, и с немалой силой, пробивая защиту Френтоса в уязвимые в тот момент места то ногой, то толкая его плечом, с явно огромной силой, к стене. Превосходство противника было видно сразу. Окто Френтоса, которое тот наверняка использовал, должной защиты ему в этом бою не давало, и его тело все равно страдало от ударов чудовища, если он наносил их топором, а молот повреждался и без искр. Будто молот Френтоса топором Самума просто прожигался. Я ведь говорил, что с самого начала идея сражаться с Генералом имтердов мне казалась глупой? Конечно, так оно и было.

На помощь Френтосу, когда всего за пару секунд его уже прижали к стене, первым пришел Таргот, уже с огромным мечом Тоги выскочивший из-за своей двери, и с немалого замаха, горизонтально слева ударивший Самума по спине. Тот не сумел вовремя отступить, прижатый к полу окто Френтоса, и потому лишь неуклюже блокировал топором его удар, хоть при этом даже не сдвинулся с места. Чудовище обладало, по-видимому, и такой-же чудовищной физической силой. Громкий, громоподобный треск металла разнесся мгновенно, сотрясая пыльный воздух, будто ударил тогда Самума не Таргот, а какой-то чудовищной силы Гротвалл. Таргот сильнее нажал на рукоять, чтобы у Самума было меньше возможностей отразить атаку сбоку, которую уже собиралась нанести ему вдруг появившаяся из зеленой вспышки у правой ноги

Самума Кайла. Явно зарядив клинок своего меча сильным, зеленого цвета, окто, она уже готовилась буквально срубить ключицу имтерда, как что-то ей в этом сильно помешало.

Мощная ударная волна, потрескав и порушив стены и пол вокруг, сопровождаемая бешеным ревом разъяренного Самума, быстро ударила по сдерживающему его из всех сил Тарготу, и едва не коснулась Кайлу, которую я сам, мгновенно выскочив из-за своей двери, едва успел схватить и перенести за зону поражения окто чудовища, явно уловив неладное.

Разнесенная в стороны пыль от принесенных Самумом разрушений на мгновение скрыла его, и Таргот едва успел отбить мечом последующий его чудовищный удар в броске. Даже с силой Таргота, он едва не потерял равновесие, чуть отброшенный от удара, и едва удержал Тоги. Воспользовавшись инерцией, он ловко развернулся на месте, распалив свой меч окто, и с силой, топнув ногой в завершении разворота, ударил по уже нанесшему удар в его сторону Самуму. Снова оглушая нас с Кайлой и уже стоящего рядом Френтоса ударной волной, прогремел взрыв.

Едва выдержав гнев уже выгоревшего в стене пыли пламени, потолок едва не порушился, чего нам допускать никак было нельзя. Отброшенный еще дальше, ударившись спиной о стену, Таргот на секунду, пошатнувшись и ступив вперед, растерялся, и едва не попал под очередной удар так и сокращавшего дистанцию Самума. Я успел закрыть Таргота стеной из Белого Пламени, и Самум вдруг остановился, в то время, как я сам, покрыв свой меч слоем того же Пламени, бросился на него со спины. Самум не растерялся, и мгновенно оказался повернутым уже в мою сторону. Резкий удар огромной левой руки в живот, и я уже чувствую спиной осыпающуюся стену, не расслышав при этом собственный истошный крик. Дышать становится слишком тяжело, в глазах начинают мерцать "зайчики", а на губах чувствуется вкус крови. Кажется, от боли я прокусил язык.

Но я видел лишь пол, не в состоянии даже поднять голову, застряв всем телом в стене. Боль парализовала, будто все внутри меня пострадало от удара чудовища. Я чувствовал, как каждая клетка моего тела от нее пульсировала. Даже если на такое было способно окто Самума, мое окто было даже не способно, как раньше, «отрицать» эту боль, будто и оно было парализовано ужасной силой Генерала имтердов. Как и мой разум.

Чудовище было уже рядом. При виде его, его бешеных черт, животный ужас, страх перед страшной гибелью, накрыл меня, не позволяя мне шевельнуться с места. Его топор вот-вот был готов ополовинить меня от головы к паху, как Френтос не позволил Самуму ударить, из всех сил бросившись на Самума сбоку. Тот решил не отбивать такой удар, и предпочел просто увернуться от него. Окто Френтоса снова прижало ноги Самума к полу, помешав ему уйти, и Френтос стрелой пронесся мимо, не дав Самуму вовремя поднять в обороне топор, с грохотом пробив им несколько стен, в которые ему, от страшнейшего удара молота Френтоса, не повезло улететь. Хотя ранее Самум и представлял из себя передвижную крепость, теперь к удару Френтоса он подготовиться не успел, и камин, снесенный им, мгновенно разбросал горящие в нем бревна в стороны, одним из которых заставил вспыхнуть стоявший в стороне диван и лежавшее на нем покрывало. Вдруг потеряв ту страшнейшую боль и ужас, казавшиеся даже мне ненормальными, я уже толкнулся вперед, едва не упав на заваленный кусками стены пол, где меня подхватила Кайла. Пусть я и был еще растерян, боль в животе и спине, уже более обычная после подобного, меня на ноги поставила мгновенно. Я использовал Белое Пламя на себе, дабы больше боль мне не мешала, но, особенно в подобных условиях, я редко замечаю, как трачу на него силы, и его остатки следовало бы использовать с умом. Тем более, что, похоже, мы с Кайлой в этом бою против Самума были почти бесполезны. Такое чудовище нужно брать именно грубой силой, которой мы с ней почти и не обладали.

– Ты как? – испуганно спросил у меня еще немного потрясывающийся от злости Таргот. Наверняка, от вида истерзанного, с залитым кровью лицом меня, гнев его на Самума теперь разгорелся лишь сильнее.

– Неслабо так он меня приложил... Но ладно, жить буду. Нам с Кайлой, похоже, лучше особо не выпендриваться. Это чудовище слишком быстрое, а ранить мы его сможем вряд ли. Не хватит силенок. – как раз используя для лечения окто, говорил я. Хотя, к слову, забегая немного вперед, это было не окто. Окто – материализованная внутренняя сила. Внутренняя сила – Гармоничное Зеленое Пламя. А не то, что использовал я... Кажется, я забежал уже слишком далеко. Что же поделать.

– Я почти уверен, что даже так жажнув, я ему доспехи даже не поцарапал. Не знаю, как вы, но я предлагаю побыстрее свалить отсюда. – неожиданно трезво, бросая беглый взгляд то на нас, то на стену, оценил ситуацию Френтос.

– Это верно. Мы все слышали – это Генерал имтердов. А Генерал имтердов – для нас синоним слова смерть. – уже отпустив меня, говорила Кайла.

– Ты разбираешься в языке? – вдруг не в тему удивился Кайле Таргот, обратив тем самым на себя ее недоумевающее теперь лицо.

– Чего и следовало ожидать, ваши командиры нашли неплохих воинов чтобы добить нас. Увы и ах – вы не дотягиваете даже до уровня выскочек-Богов! – вдруг ужасающе зарычал, злобно и исподлобья глядя на нас, быстро выходящий из оставленной за собой же дыры Самум.

– Ну вот, ***ть, говорил же, что нужно валить. Ладно, ладно. Самое время показать ему, что мы тоже не пальцем деланные. – во вспышке Синего Пламени растворил свой молот Френтос. Похоже, теперь он и вправду был настроен серьезно до предела, и собирался идти в рукопашную.

Самум резко остановился, уже подняв голову, снова изобразив при этом что-то вроде удивления, тяжело читаемое на его звериной морде. Он встал прямо меж двух бревен, освящаемый снизу их пламенем, но совсем не обжигался им, пусть оно его и касалось.

– Синее Пламя? – вдруг спросил он.

– Вроде того. – уже разминал кулаки Френтос.

Самум молчал, тем самым как раз дав нам время подготовиться к его следующей атаке, уже в ожидании которой мы продолжали злобно потрясываться, все кроме Кайлы, уже получившие от Самума "подачки", стоя на месте. Мы ждали ее, пусть атаки этой и не было.

– Kori ukin se? – опустил топор на пол, и уперся в его ручку руками, Самум, нарушив тем самым почти мертвую тишину, едва нарушаемую падениями кусочков стены позади него.

– Чего? – не поняли мы все сразу.

Самум покачал головой.

– Я спрашиваю, кто вы такие. – перевел он.

– Братья Кацеры. – однозначно ответил Таргот.

– А я Кайла. – ответила, конечно, Кайла.

– Я понял, что вы Кацеры, только заметив Таргота. Я спрашиваю – на чьей вы стороне. – продолжал уже с более или менее спокойным лицом, серьезно и медленно говоря, переводить взгляд между всеми нами, Самум.

– Погоди. Откуда ты нас знаешь? – вдруг удивился Френтос, огласив при этом и мои мысли.

– Что за вопрос? Я чую кровь Кацер в ваших жилах. Я протянул всю жизнь вблизи этой крови, и ни с чем ее не спутаю.

– А Таргот?

– Когда-то Таргот Кацера поднял войска Востока против предателей – своих брата и сестры. Мы бились бок о бок.

– Почему же я этого не помню? – почти безразлично бросил Таргот.

– Ты вел себя очень странно... Я слышал, люди уничтожили тебя, и не удивительно. Ты ослушался приказа своего отца, Верховного Властителя, и самого Лорда Винториса. Да еще и меня в это впутал.

– Звучит неплохо, но увь. Это был не я. Родители говорили, что дали мне имя в честь Кацеры, защищавшего однажды своих братьев и сестер, но павшего под тяжестью проклятья. – поведал даже нам неизвестную часть нашей же истории Таргот.

– Это проклятье Тарготу Кацере навязал Клинок Власти Росссе. Неудивительно, что тебе дали его имя. В тебе точно есть что-то, что когда-то принадлежало ему. Хотя бы самоуверенность.

– Эта черта мне не присуща.

– Таргот решил, что Росссе от чистого сердца предложил ему свою силу, чтобы тот защищал свою семью. Но для Кацер не было никаких опасностей, кроме той, что создал им Росссе.

– Ты точно разбираешься в истории нашего рода лучше, чем я. Так скажи. Почему наши прародители от вас бежали?

– Не думай поставить меня в тупик. Ширава была слишком слаба и телом и духом, и лишь от страха смерти сбежала от Совенрара. Бетоуэт был слишком влюблен, и не желал бросать семью. Я его понимаю. Именно поэтому я не убил Имперу, Лироя и Таргота сразу, как заподозрил неладное.

– Ты тоже это слышишь, Соккон? – с изумленным, даже напуганным лицом, спросил меня Френтос.

– Тем не менее, мы все пошли по тому же пути, что и они.

– Я вижу... – вздохнул Самум.

– Таргот? – посмотрел я в глаза брата, уже умоляя его хотя бы на этот раз рассказать нам все, как оно есть на самом деле.

– Я расскажу вам все, когда мы здесь закончим. – опустил он глаза, наверняка и сам понимая, что скрывать такие свои знания больше просто невозможно.

– Не расскажешь. – вдруг вскинул топор Самум.

Все мы сразу перевели взгляд на него. Что он собирался делать теперь? Что он решил?

– Ты делаешь ошибку, Самум. – чуть напрягся Таргот.

– Возможно. Но Совенрар приказал уничтожать любых предателей, которые...

– Встанут на пути его правления. – перебил его Таргот.

– Мне плевать, как это произошло. Я никогда не был против Ширавы. Но Совенрар поднял нас против людей, которые уже предприняли попытку нас уничтожить. Смотри.

Самум вдруг поднял почти все это время втянутую шею, чуть опустил край доспеха рукой, и открыл для нас весьма немалый разрыв на шее, страшно искореженный, окровавленный, будто чья-то чудовищная лапа оторвала от нее кусок.

– Вот, за чем стоят люди. Мне повезло, и Тайфун пришел мне на помощь. Это было здесь, для нас лишь десятки минут назад. Монстр, которого создал Нис, Вильфеоренама, был в шаге от того, чтобы уже во второй раз не забрать наши жизни.

– Он вышел из-под контроля, и Корть пожертвовал собой, чтобы остановить его!

Таргот, вдруг, даже сам как-то удивился, прикрыл рот рукой, и отступил. Будто он сказал что-то, чего говорить ему очень не стоило. Самум, ничуть не думая, снова втянул шею под доспех, и взял топор в обе руки.

– Людей уже ничто не оправдает. Как однажды они пытались избавиться от нас, так и мы теперь избавимся от них. Раз вы с ними... У меня нет выбора.

– С этого... – вдруг напрягся Френтос, все крепче сжимая кулак. – ...и нужно было начинать!

Мы и моргнуть не успели, как он оказался перед Самумом, со всей силы рукой ударив Самума в грудь, будто с желанием отбросить его подальше. Самум успел вовремя заблокировать удар рукоятью топора. Пусть удар и был чудовищно силен, благодаря окто Френтоса Самум остался на месте, и вся сила удара ушла в саму рукоять. Она мгновенно ударилась о доспехи Самума, но так и не сумела повредить их. Сложно сказать, из чего именно они были созданы,

но даже подобной силище они были неподвластны. Лишь стена позади Самума, от чудовищной мощи удара и давления за Самумом, вдруг разлетелась вдребезги, и части ее, будто вытолкнутые вперед, мгновенно пропали в темноте позади него. Лишь три бревна в комнате еще продолжали ярко гореть, позволяя нам видеть противника.

Френтос ударил снова, но на этот раз, уже в голову. Мы знали, что от такой атаки Самуму не увернуться, и сила давления Френтоса уже наверняка притягивала к его кулаку голову чудовища. Кажется, уже этого могло хватить, и этот удар должен был быть последним, и доспехи здесь Самуму ничем бы не помогли. Я даже невольно улыбнулся. Это, ведь, и вправду могло закончиться так просто. Генерал имтердов, что ранее убивал сотни и тысячи таких, как мы, впервые не на тех нарвался, и был убит одним прямым ударом в голову, украсив ее содержимым все свое окружение.

Но Френтос промахнулся, хоть и не нарочно, будто Самума вовсе не было там, куда он ударил. Кажется, я даже видел, как рука Френтоса прошла через голову Самума, когда тот пытался от нее увернуться. Едва я понял, почему именно монстр в таком бою был так уверен в своих силах, как его топор уже со свистом вертикально прорубил тело Френтоса снизу, потопом крася окружающие его стены, пол и потолок блестящей от света огня алой кровью. Френтос тяжело выдохнул, отскочив назад, и снова бешено, оставляя на полу кровавую полосу, бросился на Самума. Он занес руку снизу, уже готовясь второй отражать возможный последующий удар чудовища. И вправду, что-то здесь было не так. Не я один, кажется, здесь был могущественным иллюзионистом. Я сразу вспомнил ту боль, которую ощущал после удара Самума. «Неужели...» – подумал я. И вправду, ведь это не были простые иллюзии. Он обманул наше зрение теперь и усилил мою боль. Когда Френтос отбросил Самума от меня, та самая загадочная боль почти сразу утихла. Выходит...

– Френтос! – крикнул Френтосу Таргот, уже как раз вновь распаляя свой меч Тоги, и увеличивая его. Теперь, он и сам бросился к Самуму. Френтос был уже тяжело ранен, и не стоило так просто продолжать атаку, пока тайна окто Самума была остальным неизвестна. Тарготу теперь было уже плевать, не завалит ли он нас всех разрушенным новым взрывом потолком. Он собирался бить в полную силу.

– Он контролирует чувства! – как можно громче крикнул я... Но увы, мне стоило заметить это раньше. Возможно, это бы мне и удалось... Если бы не тот гнев, что лишь сильнее с каждым мгновением застилал мне глаза... Возможно, все такой же необычный, но более чем реальный.

Свист – кажется, будто совершенно обычный, но такой внезапный, что бой даже на секунду остановился. Все мы вдруг будто оглохли. Дышать стало тяжелее, а Самум вдруг пропал, ровно в тот момент, когда Френтос уже едва не ударил его. Теперь даже я уже не понимал, какой должна быть реальность, ведь все это, наверняка, была иллюзия. Я чувствовал это своей внутренней аурой. Будто точно, моего тела касалась внутренняя сила Самума. Обычное чувство в бою с октолимами, но даже оно стало тогда почти единственным, что я все еще мог чувствовать.

Пусть и в ужасе, оглушенные и едва способные двигаться, мы мгновенно бросились к Френтосу на помощь. Он уже едва не валился с ног, рукой крепко схватившись за грудь. Рана была страшная, и кровь из нее била фонтаном. Самум бил наотмашь, но очень точно. Он прорубил часть сердца. Даже я, наверное, не смог бы вылечить такую рану сразу. Не успел бы вылечить ее быстрее, чем тело Френтоса потеряло бы всю свою кровь, которую даже он едва удерживал теперь, ослабленный от кровопотери, своим окто. И теперь, своим уже обезумевшим от лицезримого мозгом, я как раз осознал это. Осознал, насколько я был тогда бессилен – не мог помочь умирающему на моих глазах брату. Я не мог в это поверить. Он не мог так просто умереть. Кто угодно, только не он или Таргот. Не так, как тогда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.